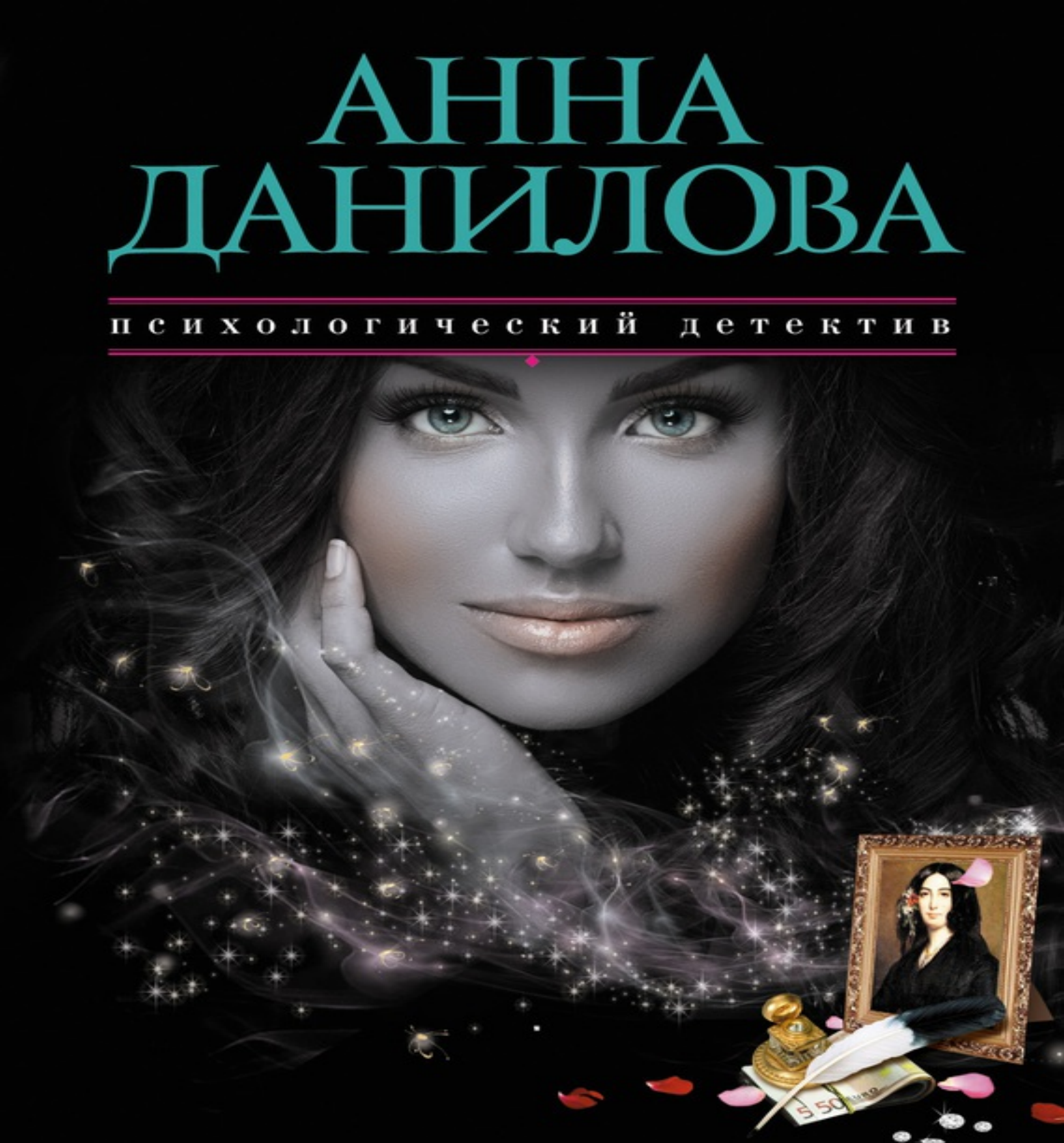

АННА ДАНИЛОВА

психологический детектив

УСТАВШАЯ ОТ ЛЮБВИ

Зачем ты выбираешь роль, которая убьет тебя?

Annotation

Убить мужа — кто из нас не жил с этим кошмаром, с этой мечтой, с этим наваждением? Наталья могла это сделать, у нее хватает смелости самой себе признаться в этом. Недаром ее кумир — Жорж Санд, хрупкая женщина, выбравшая вместе с мужским псевдонимом стальной характер. Но разве мечта и реальность, имя и человек, роль и актер, который ее играет, всегда равны друг другу? Разыграть преступление в воображении и поплатиться за спектакль, устроенный для себя самой, — с этим Наталье предстоит справляться сразу после гибели мужа...

Анна Васильевна Данилова

Уставшая от любви

© Дубчак А.В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Только мы с Катей знаем, как это приятно — убивать своих мужей. Ни с чем не сравнимое удовольствие. Катя убила своего равнодушием и нелюбовью. Он почувствовал это, ушел от нее, женился на другой и через месяц погиб в автомобильной аварии.

Я убила первого мужа, наоборот, чрезмерной любовью. Не в силах ни в чем ему отказать, я купила ему дорогую спортивную машину, на которой он и разбился в пыль спустя — вот рок — тоже месяц.

Наши мужья похоронены рядом под большими елями в тихом месте в Подмосковье, и мы время от времени приезжаем навестить их и выпить рюмку-другую над могилой.

— Я знала, что этим дело кончится, — сказала Катя как-то раз, когда мы поминали наших мужей. — Знала, что он долго без меня не протянет, уверена была. Но все равно вынудила его уйти. Поэтому считай, что убила.

Я улыбалась ее словам. Глупости все это. Как она могла знать, что он погибнет в аварии? Это невозможно. Просто стечение обстоятельств.

А я, покупая мужу автомобиль, просто видела, как он разгоняется, теряет контроль над собой и врезается в сосну. Так все и случилось. И была именно сосна, а не какое-то другое дерево.

— Получается, что и я убила, — ответила я, поправляя цветы в тяжелой мраморной вазе. — И знаешь, я не особенно и горевала.

— Вот-вот, — отозвалась Катя, заканчивая высаживать на могилу цветочную рассаду. Анютины глазки весело затрепетали на легком ветру.

Катя так больше замуж и не вышла, решила, что одной легче и спокойнее. Я же на удивление всем снова нашла мужа.

История моего замужества — это песня. Или лучше драма. Наш брак можно считать неравным по всем пунктам. Разве что мы ровесники, а так... Мой муж — известный киноактер Сергей Голт. Я обыкновенный московский ресторатор Наташа Соловей.

Мой муж Сережа так талантлив и красив, что все, кто видит нас вместе, поражаются, как этот прекрасный молодой человек (нам обоим по тридцать с небольшим) выбрал в жены меня. Я невысокая полная брюнетка с маленькой родинкой над верхней губой. Если бы вдруг случилось чудо и я стала выше и стройнее, все бы увидели роскошную женщину с густыми смолянными волосами, которую не портит даже эта родинка. Но пока я могу гордиться только натуральной грудью шестого размера, доставшейся мне от природы нежной кожей и крепкими белоснежными зубами.

Увы, мой муж, русоволосый, зеленоглазый, очень молодо выглядящий красавец просто терпит меня рядом с собой. Думаю, все об этом догадываются. Наш союз — результат хорошо продуманного долгосрочного финансового проекта, называемого браком. Брачный договор мы не заключали, даже решили, что спать будем вместе. Остальные пункты меня вообще мало интересовали. Чтобы приглушить боль, я придумала себе, что мой муж — что-то вроде породистой собаки. Дорого, красиво, принадлежит только мне. Только я могу решать, что с ним делать — положить рядом с собой или любоваться издали.

Эта любовь, разрушившая меня, поправшая все мои принципы, сделавшая меня посмешищем в глазах людей, все еще подпитывала меня маленькими глотками счастья.

Наркотического счастья, за которое я смогла бы отдать жизнь, если бы только понадобилось.

Будь я художником, я писала бы исключительно портреты моего мужа. Не знаю, каким вдохновением нужно было обладать матушке-природе, чтобы сотворить такого красавца. Главное в нем — глаза. Не просто зеленые, а светлые, прозрачные, постоянно меняющиеся — от цвета весенней листвы до оливкового, табачного, а еще темнеющие до черноты еловой хвои в пасмурный день, уходящие в темень изумрудных таежных лесов...

Волосы светло-русые, слегка волнистые, небрежно растрепанные. Аккуратный нос, губы крупной лепки. Высокий, стройный, в меру подкачанный, походка легкая, стремительная. Иногда я ловлю себя на том, что мне хочется подойти к нему, схватить за руку и увести подальше от всех, кто смотрит на него. Только я имею право так смотреть — овладевая, проникая в него.

А он... он в меня уже давно не проникает. Мы спим в одной постели, и все. Просто спим. Даже под одним одеялом, но это все равно не делает нас ближе. И я знаю почему. И от этого знания, особенно когда я все это себе представляю, у меня темнеет в глазах, и тогда я хочу одного — чтобы Сережи не было в моей жизни. Потому что это больно. Слишком больно.

Первый ресторан мне оставил отец, царство ему небесное. И капиталец был какой-никакой. И еще две квартиры, одна на Петровке, другая на Маяковке.

Ресторан был обыкновенный, с русской кухней, без особых затей. Зато место шикарное, в пяти шагах от Пушкинской площади. В советское время здесь можно было позавтракать вареным яйцом под майонезом и кашей с какао, а по вечерам набивался артистический молодежь и на закуску шли селедка с огурцами и квашеной капустой, салат «Юбилейный», холодец, семга с икрой. И потом, когда советское время закончилось, ресторан оставался безликим. Название у него тоже было самое обыкновенное — «Чайка». После смерти отца я стала здесь полноправной хозяйкой, но еще добрых года два продолжала кормить гостей все тем же холодцом.

В какой-то момент я поняла, что нужно придумать что-то свое, чтобы ни на кого не было похоже. Уж не знаю, как я решилась, но я изменила все, причем радикально, невероятно, невозможно! Поначалу, думаю, даже Катя с трудом сдерживала смех, слушая мои страстные до хрипоты речи. Но я ведь и вправду загорелась новым стилем ресторана не на шутку. Мы решили, что если сделать все уверенной рукой, быстро и со вкусом, то все получится. Мне хотелось шокировать всех, кто привык к старым интерьерам, хотелось потрясти своих друзей, даже если в этом был риск потерять кого-то из постоянных клиентов. Но рисковать я почему-то совершенно не боялась. Должно быть, меня успокаивала мысль, что, даже если мою идею никто не оценит, все равно народ валом повалит — место-то золотое, бриллиантовое.

Только Катя знает, что я тогда — и разве только тогда? — мнила себя Жорж Санд.

Эта удивительная женщина всегда была моим кумиром, и, читая «Лелию», я уже хотела походить на нее. Конечно, я не писатель, и к литературе меня особенно никогда не тянуло. Я восхищалась не ее романами, которые в подростковом возрасте проглатывала за ночь, меня привлекала ее невероятная женственность в сочетании с решительностью, умением держаться на плаву, способностью окружать себя гениальными людьми. И, конечно, главное — ее способность любить. Любя мужчин, любя себя в этой любви, она любила прежде всего

самую жизнь. И кроила ее под себя, как те платья, которые она шила своими нежными руками в минуты вдохновения. Она сажала цветы своей любви так же, как высаживала розы в саду. Она умела и любила многое, что позволяло ей наполнить жизнь удовольствиями. Казалось даже, что она находила горьковато-приторное удовольствие и в страданиях. А сколько энергии было в этой невероятной женщине! А как весела и беззаботна она была в окружении любовников и друзей! «Веселье — говорила Жорж Санд, — лучшая гигиена тела и души».

Мир Жорж Санд покоряет прежде всего женщин. Вот и я решила создать первый ресторан в ее честь — для моих современниц. Пусть он напоминает нам о парижских кафе того уже легендарного века. К счастью, у нас были высокие потолки, так что я смогла задекорировать воздушными овальными арками отдельные залы. Деревянные панели, покрытые позолотой, стилизованная мебель с гнутыми ножками и обитыми шелком сиденьями, мраморные вазы с живыми розами, прозрачные, с изящными рисунками перегородки между залами. Пышно, роскошно, дорого, цветочное изобилие и нарядные ткани — убранство моего первого ресторана должно было перенести моих гостей на один вечер в прошлое. Я останавливала для них время, отменяла суету и дарила удовольствие изысканными интерьерами и меню. Этот ресторан я решила назвать «Мопра» — по имени героя одного из первых романов Жорж Санд.

— Наташа, проснись.

Я открыла глаза. Оказывается, я лежала на диванчике в гостиной в халате и в домашних тапочках, отороченных розовым пухом. Надо мной склонилась Катя. Высокая, растрепанная, тоже в халате. Лицо озабоченное, глаза воспаленные.

— Что, Катя, есть новости? — спросила я, возвращаясь в тягостную реальность. — Его нашли?

— Мишин звонил. На юге Москвы обнаружен труп мужчины примерно того же возраста и такой же, как у Сережи, комплекции. Также блондин. Хоть бы это был не он.

— За десять дней мы с тобой опознали уже пять трупов. Не будем терять надежды. Я хочу думать, что и это не он. И что ему делать на юге Москвы? Хотя что я такое говорю?

Десять дней назад в Интернете и в газетах впервые осторожно сказали, что пропал актер Сергей Голт. Вышел из своего театра и исчез. Поклонницы, несущие вахту у служебного входа, видели только метнувшуюся к кустам фигуру в черном плаще. Но они хором твердят, что это не мог быть Сергей. Незнакомец в плаще был на целую голову ниже моего мужа и слегка прихрамывал — ничего общего с романтическим героем, скорее уж с персонажем какой-нибудь страшной сказки Гофмана.

Да и не мог Сережа выйти тайком. Он любил своих поклонниц, с радостью оставлял автографы в блокнотах и на фотографиях, а то и вовсе расписывался маркером на их плечах, руках и коленях. И цветы любил принимать, считал, что это правильно и что нельзя обижать невниманием тех, кто тебя так любит и восхищается тобой.

Но то, что он пропал, это факт. Исчез. Растворился бесследно, как туман.словно я, очнувшись после бурной ночи, вдруг осознала, что мужа у меня и не было. Что он был плодом моего воображения, что я придумала его для себя, такого невероятно красивого, талантливого и коварного. То ли радоваться мне теперь, что все это только приснилось и любовь к нему больше не будет меня разрушать, то ли плакать, что переживания, которые

были моей настоящей жизнью, оказались игрой воображения, сном.

Сколько раз я проиграла в памяти наш последний вечер.

После спектакля я заманила его домой. В последнее время он совсем отбился от рук, точь-в-точь подросток, вырвавшийся на свободу. Теперь я видела его все реже. Мои «глаза» и «уши» в театре, которым я щедро платила, все, от костюмерш до актрис, нуждающихся, но скрывающих свою бедность, постоянно держали меня в курсе всего, что происходило с Сережей.

У него и прежде хватало любовниц, но последняя, опасная, невозможная, настоящее исчадие ада, просто приворожила его. Будь я из числа тех, кто верит в приворот, я непременно нашла бы злобную старуху, которая помогла бы опоить моего мужа этим зельем, и заставила бы ее сделать так, чтобы он на дух не выносил эту школьницу.

Я заманила Сережу таким неприличным образом, что самой стало противно. Его театр собирался на гастроли в Париж. Понимая, как захочется ему продемонстрировать коллегам нашу парижскую квартиру, я пообещала сделать все возможное и невозможное, чтобы купить ему там машину. Пусть он не только принимает друзей, но и покатает их с ветерком в собственном новеньком кабриолете.

— Наташа, ты дура? — уставилась на меня Катя, когда я рассказала ей об этом. — Или ты действительно решила его грохнуть так же, как своего Геночку?

Геночка — так звали моего первого мужа.

Катя пришла ко мне за советом. Два года назад она, финансист по образованию, открыла собственное кафе в двух шагах от театра миниатюр «Скорлупка». Работать в моих ресторанах она категорически отказывалась, считала, что слишком велик риск раздружиться. В своем «Цахесе» — Катя отдавала предпочтение Гофману, потому и кафе назвала именем его персонажа — она занималась всем вместе с единственным родственником, племянником Юрой.

— Почему дура-то? — Я нисколько не обиделась, поскольку знала, что Катя, пожалуй, единственный человек в мире, преданный мне безоговорочно. Жизнь уже столько раз испытывала мою подругу на верность, что сомнений на ее счет у меня быть не могло. Катя была умна, образованна, мы дружили с детства, и какой бы крутой бизнес-леди я ни заделалась, ее мнение для меня значило многое. Если она считала, что я дура, значит, что-то в моем плане прихрамывает.

— Геночке своему ты уже купила машину, и теперь мы с тобой на пару пьем коньяк на его могиле. Или ты забыла?

Как такое забудешь?

— И потом, ты прекрасно знаешь, кого твой Сережа будет возить на этой машине в Париже.

— И кого же? Там же вся труппа, своих друзей и будет возить. Ленка-то в Москве. Не думаю, что она полетит вместе с театром. Это невозможно, ее родители не пустят.

Ленка, она же Елена Юдина, старшеклассница, последняя любовь Сережи. Это она сделала с ним что-то такое, что он, позабыв о наших договоренностях, о приличиях, да что там, потеряв рассудок, проводил с ней все свободное время. Он, женатый мужчина, связанный по рукам и ногам обязательствами перед женой!

Дав слово ночевать дома (исключая время гастролей и съемок), Сережа вот уже неделю как не появлялся в нашей квартире. Звонил, говорил, что у него павильонные съемки в Москве, и, кажется, не сомневался, что я ему поверю. Или ему все равно. Я даже не уверена, что он дает себе труд задуматься над тем, каково мне постоянно жить в этом обмане. Говорю же: ему все равно.

У меня, конечно, есть человек, который следит за ним и все мне докладывает. Профессионал, он знает свое дело так же хорошо, как я свое.

Это он принес фотографию моей очередной соперницы, тощей, длинноногой девицы с длинными каштановыми волосами. Совсем девчонка и наверняка тупая, раз влюбилась в актера. Разве нормальные девочки могут любить образы? А то, что эта Лена Юдина влюбилась в его экранный образ, несомненно. И это несмотря на то, что мой муж, играющий первых любовников, отлично справляется с ролями другого плана: негодяи, подлецы, убийцы, маньяки, психи... В какой из его образов влюбилась эта девочка, мне пока не ясно. Но то, что она успела насладиться телом моего мужа, — несомненно. Тому имеются доказательства — фотографии этой парочки. Мой человек забрался, думаю, на дерево, чтобы снять все то, что проделывали любовники за стеклами неизвестной мне квартиры. Не исключено, что Сережа снял ее для своих утех, а может, эта квартира принадлежит друзьям или родственникам Юдиной. Скоро я все узнаю.

— Наташа, приди уже в себя. Брось ты его. Зачем он тебе нужен?

В Катиной мольбе было столько жалости, что мне стало не по себе. Так вот как я, оказывается, выгляжу в ее глазах — жалкой брошенкой.

Мы сидели на моей кухне, залитой солнцем. На мраморной столешнице стояла желтая ваза с белыми розами. Катя допивала свой чай.

— Катя, ты же знаешь, что я люблю его.

— Но это не любовь. Это как наркотик. Тебя пора спасать.

— Он мой, понимаешь? Он по документам принадлежит мне.

— Да не может человек никому принадлежать. Он сам по себе. Он не сиамский твой близнец. И он не любит тебя. Ты уж прости, что я говорю тебе все это, понимаю, что причиняю боль. Сколько можно так унижаться перед мужиком? И как тебе еще дать понять, что так продолжаться не может?

— Может. Он никуда от меня не денется. Это ему только кажется, что он много зарабатывает. Тратит-то он куда больше. Исчезни я из его жизни, он пойдет по миру. Он привык покупать дорогие вещи, привык, что двери моих ресторанов всегда открыты для него и его компаний. Ты только представь себе, что будет, если все это закончится и ему придется расплачиваться за каждый съеденный лобстер, за каждый выпитый бокал шампанского? Когда поймет, что денежный поток перекрыт, что деньги закончились, он начнет влезать в долги. Продаст квартиру.

— Какую квартиру? — Катя поперхнулась, закашлялась, голубые глаза заблестели от слез.

Она сидела передо мной в простой рубаше и светлых джинсах, которые ей так шли. Жаль, что природа сотворила ее такой эмоциональной и мимические морщины разрезали ее продолговатое и без того некрасивое лицо. В свои тридцать три она выглядела на все сорок пять. Но даже с таким лицом она была по-своему красива и без меры обаятельна. А как я радовалась, что есть на свете человек, с которым я могу говорить искренне обо всем! По

сути, я всегда была перед ней с настежь открытой душой. Мало кто видел и знает меня такой. Даже Сережа такой меня не знает. Если бы знал — сбежал бы от меня на край света.

— Он же не дурак и понимает, что часть моего имущества после развода отойдет к нему.

— Да все твои квартиры, дома и прочее — это все куплено до вашего идиотского брака!

— Ладно тебе, Катя. Пусть себе живет в одной из квартир, все равно это ненадолго.

Говорю же, продаст рано или поздно.

— Ты не понимаешь. Пусть он перестанет тратить твои деньги и ищет себе другую дуру!

Я бросила на нее грустный взгляд.

— Ты прости, Ната. Но он, известный актер и красивый сукин сын, никогда не останется на улице. Его подберут через час после того, как станет известно о вашем разводе.

— Вот именно! Это я и пытаюсь тебе втолковать. Он сейчас мой, понимаешь? Да, он кружится с этой Леной, лжет мне в глаза, но рано или поздно он все равно придет сюда, домой. Мы с ним сядем за стол, поужинаем, выпьем, поговорим, и он останется спать в своей кровати, понимаешь? Потому что он мой муж. И эта Лена, как ни крути, ревнует его ко мне.

— Могу себе представить эти разговоры о тебе, — фыркнула Катя, сощуриив презрительно глаза. — Уж лучше бы тогда его убила.

Я убивала мужа несколько раз. Планировала убийства по-настоящему. В моей квартире в потайном ящике старинного письменного стола есть даже коробочка, где я храню все, что прикупила специально для такого случая. Цианид, к примеру. Он остался в нашей семье от моего деда, военного хирурга. Уж не знаю, где он его раздобыл, но то, что это был страшный яд, мы с мамой знали всегда и всю жизнь перекладывали его с места на место, чтобы подальше, понадежнее спрятать.

Маленький пистолет, заряженный, между прочим. Его зарядил для меня один знакомый, который — я это точно знаю — никогда меня не подставит и не проговорится. Я объяснила ему, что купила пистолет исключительно для самообороны. На самом же деле я собиралась пустить его в ход ровно год назад, сразу же после того, как мой сыщик положил передо мной пачку порнографических фото с Сережей в главной роли. Его любовницей тогда была журналистка с пышной грудью, длинными ногами и зелеными глазами. Эти глаза и глаза моего мужа впивались в меня с каждой журнальной обложки, стоило мне выйти на улицу и спуститься в метро. Оба зеленоглазые, страстные, смелые, нахальные. Мысленно я уже давно застрелила обоих.

Я собиралась убить мужа в Париже. Пристрелить где-нибудь в злачном месте, в районе, кишашем арабами, чтобы уж точно никто не подумал на меня. Но это не все — я распланировала все допросы, все интервью, даже шум в интернете, даже скандалы в полиции и то, как я заявлю им, мол, ни черта-то вы не ищите убийцу моего мужа! Я прямо видела заголовки французских газет: «Tué par le celebre acteur russe» («Погиб известный русский актер»).

Все это произошло накануне открытия моего второго ресторана, который я назвала «Консуэло». Так много сил и средств было потрачено, что я к тому времени, когда должно было произойти убийство, просто выдохлась. На открытие ресторана пришли все, кто за эти годы стал постоянным гостем в «Мопра». Поначалу это были исключительно женщины, причем не только из артистических кругов, но и настоящие бизнес-леди, но постепенно мой

ресторан привлек и мужчин. Уж не знаю почему, но один зал каждый вечер был заполнен молодыми художниками. Два других — артистическая публика вперемежку с чиновниками самого высокого ранга. О киношниках не говорю, к ним я всегда относилась особенно тепло.

«Консуэло» — ресторан в два раза меньше «Мопра», но он так оригинален во всем, что связано с оформлением, что, по словам Кати, стал сценой для спектакля по мотивам Жорж Санд. Сюжет «Консуэло» вдохновил художника-декоратора, которого я выписала специально из Италии, превратить два небольших зала в иллюстрацию к роману. Италия, Богемия, Пруссия, Чехия, Австрия — куда только судьба не закидывала дочку цыганки Консуэло, прежде чем она стала известной певицей, а впоследствии и графиней Рудольфштадтской. Стены ресторана украшали настоящие фрески, и на каждой — сцены из жизни одаренной волшебным голосом девочки, той самой маленькой Консуэло.

Словом, я была утомлена открытием ресторана, поэтому мой муж Сережа Голт остался жив.

Итак, тот последний вечер, когда я видела его живым.

Ко мне пришла Катя и принялась уговаривать меня развестись с мужем. Она говорила совершенно правильные вещи, которые я сама бы сказала себе, если бы не была так влюблена. Но что делать, если мой разум, по крайней мере, та его часть, что должна контролировать любовь и страсть, не пропускала ничьих советов, никаких доводов. Хорошо еще, что мой рассудок целиком не был парализован. Я продолжала вести дела, постоянно думала о развитии бизнеса, мои рестораны процветали.

Чтобы заполучить себе Сережу хотя бы на вечер, я решила подарить ему машину. Еще одну. Я представляла, как засияют его зеленые глаза в предвкушении такого подарка, и ничего криминального на этот раз не замышляла. Ничего похожего на сцену аварии, разбившей мой предыдущий брак, ту самую сцену, подсказанную мне воображением или интуицией. Я видела в воображении лишь Сережу за рулем новенького авто, лавирующего по парижским улочкам. Солнце играет в его волосах, а в темных очках отражаются подсвеченные солнцем мелкие суденышки на канале Сен-Мартен, рядом с которым и располагалась наша квартира.

Я позвонила ему и, сдерживаясь, чтобы не дай боже не выдать волнения, не упрекнуть за долгое отсутствие, как бы между прочим сказала, что намерена сегодня за ужином обсудить покупку еще одной машины. Напомнила о предстоящих гастролях (как будто бы он мог об этом забыть), посетовала, что без машины в Париже трудновато, ведь машина — это все-таки свобода, и на всякий случай спросила, сможет ли он вернуться к ужину в восемь. Сережа мой, вероятно, тоже сдерживаясь, чтобы не поцеловать трубку, сообщил, что непременно будет. Даже поинтересовался, не купить ли чего к столу. Я сказала, что все есть, но бутылка хорошего красного вина лишней не будет.

Мы редко ужинали дома. Обычно по вечерам мы встречались в «Мопра», куда Сережа никогда не приходил один, за ним вечно увязывались его друзья-артисты. Понятное дело, все усаживались за наш столик у камина, а потому никто и никогда за ужин не платил, сколько бы ни было заказано.

— Наташа, я вот все жду, когда же у тебя закончится терпение! — Моя Катя возмущалась и снова была права. Счета были огромными, его дружки-артисты (не говоря уже об артисточках) заказывали, не стесняясь, самые дорогие блюда — считали, что в нашей семье денег много, не обеднеем. Конечно, они смеялись за моей спиной, я чувствовала это кожей.

Для меня не было тайной, что женское окружение моего мужа возмущается тем обстоятельством, что мне не удастся похудеть. Но мне действительно не помогли ни диеты, ни таблетки, ни прочие средства, какими изводят себя полные женщины. Мой врач сказал, что я похудею, когда организм сам этого захочет. Вот еще один мошенник, и попробуй проверь его слова.

Я решила приготовить спагетти с трюфелями. Набросив фартук, я хлопотала на кухне, то и дело поглядывая на часы и стараясь представить наше с Сережей свидание. Как он себя поведет? Будет ли ласков? Что скажет? Позволит ли себе расслабиться и помечтать о машине? Спросит ли, о какой марке идет речь и позволю ли я ему выбрать модель? Честно

говоря, мне было все равно, но я видела своего мужа в открытом кабриолете почему-то непременно цвета бутылочного стекла.

Хорошо, вот мы поужинали, допили вино, поговорили, определились с моделью. Что будет потом? Он встанет, поцелует меня в лоб, скажет, что у него встреча, и уйдет? Такое может случиться? Может. Он способен на это.

Интересно, как он вообще ко мне относится? Время от времени он говорит, что любит меня, что мы с ним родные люди и что он пропал бы без меня. Увы, я знаю, что все это слова. У меня имеются записи его разговоров с любовницами, с коллегами. Удивляюсь, как у меня еще сердце не разорвалось. С ними, с теми он называет меня «моя кубышка», «мой жирненький слиточек», «моя колбаска». И всегда добавляет, что только здоровый цинизм позволяет ему все еще жить со мной под одной крышей. Что нынче время такое, кризис, и ему ничего не остается, кроме брака со мной. Что я при всех своих недостатках (среди которых, оказывается, и алчность!) все-таки человек верный и относительно порядочный. Что случись что — я его не брошу.

Записи, доставленные моим сыщиком, я никогда не слушаю дважды. Одного раза хватает, чтобы покраснеть как вареный рак, покрыться потом и разрыдаться. Вот в такие минуты и рождаются мысли об убийстве. И когда я представляю, что Сережи нет, что его больше никогда не будет и что я буду свободна от этой убивающей меня любви, в правой стороне груди у меня начинает биться еще одно сердце, наверное, запасное, и мне становится легче дышать, кровь ударяет в голову, и я просто пьянею от счастья.

— Ната?

Сказать, что я удивилась, увидев вместо Сережи Катю, — это ничего не сказать. Я стояла, задумавшись, у накрытого к ужину стола, нарядная, в черном, плотно облегающем платье, на каблуках, с ниткой жемчуга на шее, и даже не поняла, что происходит.

— Дверь была открыта, — пожала плечами Катя.

Она осмотрела меня с головы до ног, кивнула.

— Как?

— Отлично! Хочешь муженька в койку затащить?

— Ага.

— Паршивый план, я тебя предупредила.

— А ты как вошла-то?

— Говорю же, открыто было.

— Ох, забыла совсем, я же мусор выбрасывала. А ты что?

— Волнуюсь за тебя. Подумала, что ты... — Она явно подбирала слова.

— Катя! Говори!

Я только сейчас заметила, что на ней рабочая одежда. У меня волосы на голове зашевелились. Мы с ней понимали в эту минуту друг друга без слов — все говорили наши взгляды.

— Нет, Катя. Это не то, что ты подумала. И неужели ты действительно считаешь, что я способна на это?

— Извини. Я просто хотела помочь.

В глазах ее стояли слезы. А меня вдруг охватил такой ужас, что я еще какое-то время стояла, не в силах произнести ни слова.

— Я не убийца, — прошептала я, глотая слезы и понимая, что, даже если тушь сейчас не

потечет, все равно в глазах защиплет, веки покраснеют. — Иди домой, Катя. Все в порядке. Ты не должна была приходить.

— Ладно, прости. Я хотела помочь.

Она ушла, а я еще какое-то время стояла, приходя в себя.

Что ж, поделом. Нечего было делиться с ней своими бредовыми фантазиями и рассказывать, как я убиваю в мыслях мужа. Надо же, пришла помогать мне избавляться от трупа! Я поняла это, когда ее мысли перетекли в мои. Но как натурально выглядели все мои приготовления к убийству! Зачем, зачем я посвящала ее в свои планы, как я посмела взвалить на нее этот бред? И неужели она не понимала, что все эти разговоры, яды, пистолеты, все фантазии на тему убийства — всего лишь выплеск моего отчаяния? Да, я готова мысленно убивать мужа, но только чтобы сердечная боль притупилась.

Я услышала, как за Катей захлопнулась дверь. Оглядела накрытый стол. Вино, лимонный фарфор, бокалы из богемского стекла, черный виноград, салат с сельдереем, яблоками и орехами — все как он любит.

На плите тихонько кипит вода для спагетти.

Без пяти восемь раздался звонок, и я пошла открывать.

Сережа стоял с букетом красных роз. Черные джинсы, белый тонкий джемпер, на бледных щеках румянец, а глаза смотрят так, как если бы он увидел любимую девушку после года разлуки.

— Ната, дорогая, ты уж прости меня, совсем заработался. — Он протянул букет, бросился ко мне и поцеловал в обе щеки. — Тяжела и неказиста жизнь народного артиста!

Я терпеть не могла эту его пошловатую присказку.

— Сережа! — Я обняла его, прижалась щекой к его груди. Вот оно, настоящее счастье, когда мы вдвоем, когда нет вокруг этой толпы друзей, поклонников, этого театрально-киношного люда, считающего Сережу своим, хотя он мой и только мой.

— Как дела? Все хорошо?

— Да просто отлично! Скоро закончим павильонные съемки и поедем в Крым.

Он снимался в кино, где играл русского дворянина, соблазнившего юную соседку. Продюсерами этого фильма были наши знакомые, муж и жена Паравины, крепко повязанные с семьей нефтяных миллиардеров. Те с удовольствием принимали участие в разного рода кинопроектах, но светиться не желали. Думаю, на закрытых вечеринках они с упоением рассказывали, кого из известных артистов им удалось заполучить для нового фильма, показывали черновой материал и будто бы вскользь упоминали российских и европейских звезд, с которыми им довелось свести знакомство. Саша Паравина обожала Сережу и приглашала его во все свои проекты. Не думаю, что между ним и этой худой прокуренной старухой, увешанной бриллиантами, были отношения. Хотя когда мы с ним купили квартиру в Париже, ему, я знаю, доставляло особое удовольствие навещать их в квартале Марэ, который они облюбовали. А я — я радовалась, что смогла предоставить ему такую возможность.

— Да работая с Паравинами, он скоро станет зарабатывать столько, что купит себе квартиру рядом с ними, — горько вздыхала моя Катя. — И что тогда будешь делать?

Она всегда говорит мне правду в глаза. Только нужна ли мне эта правда?

— Я так рада за тебя. — Я еще крепче прижалась к нему. — Мой руки и садись за стол. Через пятнадцать минут спагетти будут готовы.

— Слушай, я так соскучился по тебе. — Он поцеловал меня в макушку. — Ты так хорошо пахнешь. Что это за духи?

Я назвала, прекрасно зная, что он тут же забудет, что ему все равно, как называются мои духи. А уж сегодня, когда его голова занята предстоящей покупкой машины, он вообще ничего больше не способен воспринимать. Мысленно он уже катается по улицам Парижа на своем авто, ослепляя всех направо и налево своей улыбкой.

— Я тоже соскучилась, — сдержанно проговорила я, высвобождаясь из его объятий, чтобы пойти на кухню, где у меня уже почти выкипела вода.

— Куда же ты? — Он последовал за мной. Поймал меня в дверях, прижал к стене и принялся осыпать поцелуями мое лицо, шею... Он был груб и нежен одновременно, и я была бы счастлива, если бы это случилось в любой другой день. Но не тогда, когда я собралась ему рассказать о планах, связанных с покупкой этого проклятого кабриолета!

Дрожащая, голая, я стояла в коридоре и чувствовала себя почему-то униженной. Словно меня использовали, выпачкали, надругались надо мной. Первый раз я испытывала нечто подобное. В горле застрял ком, по щекам текли слезы. Хорошо, что Сережа этого не видел, он уже плескался в душе.

Я подобрала с пола одежду, бросилась в спальню, накинула халат и поднялась на второй этаж, в другую ванную комнату. Мне не хотелось уже ни ужинать с мужем, ни тем более покупать ему машину. Уж слишком грубо он сыграл свою роль благодарного супруга. Однако и ссориться с ним было не в моих планах. Да, я по-прежнему хотела, чтобы он оставался моим мужем. Чувство собственности во мне развито с детства. Ребенком мне с трудом удавалось дружить с девочками, которые просили у меня куклу, чтобы поиграть час-другой. Да, я понимала, что отдаю лишь на время, но одна мысль о том, что мою Риту, мою любимую куклу, которую я обшивала, которой построила настоящий домик с мебелью, кто-то будет держать в руках, кто-то, не дай бог, разденет или просто оставит на ночь не в постели, а где-нибудь в кресле или на полу, приводила меня в ужас. Сейчас мне кажется, что это вовсе не жадность, а высокое чувство ответственности за все, что принадлежит мне.

Эту ответственность за самых близких, за мужей и Катю, я развила непомерно. С мужьями все оказалось проще — они принимали мою заботу и щедрость с легкостью и благодарностью. С Катей оказалось сложнее, но об этом я расскажу позже.

Мне оставалось проглотить досаду после этого любовного акта, единственным минусом которого была его несвоевременность, привести себя в порядок и наконец заняться спагетти.

Сережа вышел к столу свежий, довольный, подарил мне одну из актерских улыбок и занял свое место во главе стола. Да, во главе — я всегда подогревала в мужьях чувство собственного достоинства, подыгрывала им что было сил, чтобы вознести их до небес.

Я разложила горячие спагетти болоньезе по тарелкам, щедро посыпала тертым пармезаном. Сережа разлил вино.

Мы начали есть молча, сосредоточенно, и каждый, понятно, думал о своем. Сережа наверняка злился, что я тяну с разговором о покупке машины. Я понимала, что надо помучить его, подразнить за то, что он сделал со мной в коридоре. И чем дольше я думала об этом, тем отчетливее понимала, что он только сыграл одну из своих коронных эротических

сцен. Еще одна мысль обожгла меня: я вдруг осознала необыкновенно ясно, что к партнершам по сцене или съемочной площадке он относится куда нежнее, чем ко мне, своей жене.

Конечно, я знала, что он не любит меня, но в тот вечер ощутила это как-то особенно остро.

Я вспоминала Сережины роли в фильмах, где его партнершами были известные красавицы (одна Вера Купцова чего стоит!), и вдруг почувствовала, что становлюсь еще меньше ростом, что тело мое заплывает жиром, а грудь неприлично растет. Спагетти застряли в горле, я подавилась, закашлялась, а Сережа... он даже не подал мне воды. Я заметила вдруг, как он на меня смотрит — брезгливо, презрительно. Я схватила бокал с вином, глотнула, отдышалась. И решила, что не стану покупать ему машину. Да, а еще на меня вдруг снизошло озарение: как же сильно я могу ему навредить с его гастролями, а заодно испортить отношения с Паравиными! Просто уничтожу его паспорт, и все. Он не успеет его восстановить и получить визу до отъезда на съемки. А после того, как я объявлю о том, что передумала покупать машину, он разозлится и легко догадается, чьих рук дело его испорченный паспорт. Будет скандал, после которого он наверняка потребует развода. Да, Катя права, сейчас, когда у него три контракта и все связаны с Паравиными, он действительно может возомнить, что достаточно богат, чтобы бросить меня. Точнее, избавиться от меня.

Всякий раз, когда я представляла себе наш развод, я чувствовала, что задыхаюсь. Становилось невыносимо при мысли, что моего мужа, как куклу Риту, кто-то раздевает. Кто-то пользуется его прекрасным телом, дотрагивается до его нежных и сильных мест, кто-то прижимает его к себе во сне, как любимую игрушку, идет с ним под руку под восхищенные взгляды толпы. Это было просто невыносимо.

«Если ты купишь ему машину, будешь выглядеть в его глазах полной дурой», — я словно услышала Катин голос.

Я не знала, что делать.

— Так что там с машиной? — Он все-таки налил воды в стакан и протянул его мне после того, как я уже прочистила горло вином. Голос его звучал спокойно, как если бы речь шла о покупке пылесоса. — Ты определилась с маркой?

Но я не успела ответить — зазвонил его телефон. Не просто зазвонил, а взорвался первыми аккордами вальса «На прекрасном голубом Дунае». Сережа вздрогнул. Думаю, он даже разозлился на того, кто помешал ему услышать мой ответ. Но стоило ему бросить взгляд на экран телефона, как лицо его сразу приобрело выражение, которое я не забуду никогда. Это было блаженство в высшей степени, он на глазах превращался в ангела. Взгляд его устремился куда-то в вечность, туда, где нет ничего, кроме радости, губы сложились в улыбку, не дежурную, а почти детскую, нежную. Он вообще перенесся в этот момент в другое измерение, куда мне вход был строго-настрого запрещен. Звонила она, Лена, старшеклассница с длинными ногами, острыми грудями и крепкой попкой.

— Да, я понял. Буду через полчаса.

Он отключил телефон и уставился на меня. Наконец вернулся в реальность, где перед ним сидело чудовище с лицом горячо нелюбимой жены. У него даже глаз начал косить, что свидетельствовало о крайней степени нервозности.

— Ты никуда не поедешь, — тихо сказала я. — Останешься ночевать дома. Скажи этим

своим... режиссерам, операторам и гримершам, что у тебя семья. Иначе, Сережа, я решу, что ты завел любовницу, и никакой машины не будет.

Брови его взлетели вверх. Он протянул руку, чтобы взять мою. Крепко сжал мои похолодевшие от такой дерзости пальцы. Я и сама не знаю, как решилась на такое. Хорошо еще, я не сказала в открытую, что прекрасно знаю, что любовница у него как раз есть.

— Хорошо, как скажешь. Действительно, что это они? Только недавно же расстались...

Я не поняла, кого он имеет в виду, сочиняя на ходу ответ, — Лену или своих коллег.

— Перезвони и объясни, что не приедешь, — наседала я.

— Как скажешь, любимая. — Губы его растянулись в улыбке. Нехорошая улыбка.

И мне захотелось его убить. Я мысленно извлекла из тайного кармана пистолет, тяжелый и гладкий на ощупь, прицелилась в правый глаз Сережи и выстрелила. Звук получился таким громким, что я вздрогнула и зажмурилась, а когда открыла глаза, все вокруг было забрызгано кровью и чем-то розовым, непонятным...

— Это мои мозги, — сказал потерявший полголовы Сережа, небрежно смахивая пальцами с рубашки это липкое розовое крошево и глядя на меня уцелевшим левым глазом, потемневшим до цвета бутылочного стекла.

— Я должен попросить у вас прощения, но сегодня я не смогу приехать. Просто вылетело из головы: мы с Наташей сегодня приглашены. Не могу не пойти. Сами знаете: иногда самая скучная вечеринка может оказаться кстати. Я потом объясню. — Все это он произнес в трубку, не сводя с меня глаз. Его взгляд в эту минуту был таким холодным, что в гостиной запахло морозом, а часть моего лица онемела, словно припорошенная инеем.

Когда я начинаю описывать Кате свои ощущения и делюсь впечатлениями, она всегда говорит, что во мне умерла писательница и что моя любовь к Жорж Санд не случайна. Возможно, во мне течет ее кровь или в моем теле поселилась ее прекрасная душа. Но я знаю, что это не так. Я вообще не умею писать, сколько раз уже пробовала. Но мир я вижу в красках, этого не отнять.

Как же ты, любимый, хочешь получить эту машину! Теперь я впала в отчаяние уже окончательно. Еще вернее, зашла в тупик.

Открыв ноутбук, я показала Сереже модели, которые мне приглянулись. Конечно, если бы я покупала машину для себя, наверняка выбрала бы ретро, но Сереже больше подходили «Мерседес-Бенц» или «Альфа Ромео», тоже черного цвета.

Как ни странно, наши вкусы сошлись — ему тоже понравился «Мерседес-Бенц». Мы мирно поговорили о предстоящей покупке, я заверила, что Андрей Куценко, парижанин и мой всегдашний помощник в европейских делах, займется документами.

— И на чье имя будет оформлена машина? — Сережа очень старался, чтобы голос не выдал его напряжения.

— На твое, конечно. — В эту минуту я мысленно рассталась с чемоданом денег, потому что сразу представила себе зал суда, бледное лицо судьи в парике и деревянный молоточек, одним ударом разбивающий мою жизнь и любовь.

— Спасибо, дорогая.

Он даже помог мне собрать тарелки.

У нас проходящая прислуга, которая всегда убирает под моим или Катиным

присмотром, поскольку я не хочу, чтобы чужая женщина совала нос в мои вещи, бумаги и дела. На уборку я даю ей всего два часа, и за это время она должна успеть многое. За хорошую работу я хорошо плачу.

В тот вечер, понятное дело, никакой прислуги не было, и Сережа принялся разыгрывать любящего супруга, вернувшегося после рабочего дня к жене. Мы с ним убрали на кухне и отправились в спальню смотреть телевизор. Разделись, расположились на высоких подушках, я принесла блюдо с клубникой. Повторять любовную сцену у него, само собой, никакого желания не было. Да и зачем, машина-то, считай, в кармане. Оставалась глупейшая американская комедия о двух идиотах, которые никак не могут найти чемодан с миллионом.

Потом Сережа как-то быстро уснул, а я все не знала, чем себя занять. Осознание того, что я живу во лжи, что меня не любят и не ценят, только используют, что у моего мужа с полдюжины любовниц, одна из которых настолько юна, что уже одним этим причиняет мне боль, — все делало меня глубоко несчастной. И жить с мужем было уже невыносимо, и развода я не хотела. В какой-то момент захотелось выйти на балкон и закричать во весь голос. Чтобы сорвать горло. Чтобы выплеснуть боль и напряжение. Чтобы освободиться.

Можно было хлебнуть коньяка, но Катя как-то предупредила меня, что если я стану глушить боль алкоголем, то быстро скачусь в пропасть. Она описала мою жизнь в обнимку с бутылкой довольно скупно, но моя буйная фантазия тут же дорисовала всю картину. Вот я, пьяная, хожу по своему ресторану в чем мать родила, в одной руке бутылка, в другой сигарета, посетители смотрят на меня в ужасе и разбегаются. Я даже увидела заголовки в журналах «Наташа Соловей устроила дебош в ресторане «Мопра», «Что сказала бы Жорж Санд?» и «Сергей Голт поместил Наташу Соловей в психиатрическую лечебницу».

Нет, кричать с балкона я не буду. Я заварила себе чай со смородиновым листом и отрезала кусок творожной запеканки, доставленной рано утром из «Мопра». В контейнеры Олечка, помощник шеф-повара, помимо запеканки положила жареных перепелок, мягкий сыр и апельсиновое желе. Да, не очень-то я слежу за фигурой, не получается у меня.

Пришла в спальню. Сережа сладко посапывал во сне, прямо как ребенок. Я укрыла его одеялом, зная, что он даже летом любит спать в тепле, и легла сама.

Проснулась я глубокой ночью, так мне показалось, от телефонного звонка. Все мои страхи всегда были связаны с близкими людьми (Катя, Сережа, мои друзья и преданные сотрудники) или с ресторанами. Больше всего я боялась ночных звонков с известием о пожаре.

Это была Катя. Я напряглась. Взглянула на часы: всего-то десять часов!

— Катя, что случилось?

— Слушай, твой наверняка где-нибудь на съемках или еще где, — начала она, и я услышала за ее словами музыкальный фон, какую-то попсу: ум-ца-ум-ца-па. Да и голос Кати звучал весело. Куда ее занесло, мою серьезную подругу?

— Катя, ты где?

— В жизни не угадаешь! — залилась она веселым смехом. — Слушай, приезжай к нам! Здесь так весело!..

Она была пьяна, определенно.

— Мы у Машки. За городом! Здесь шашлыки и все такое. — Тут она перешла на шепот: — И здесь Вадим.

Вадим Сажин был моей первой школьной любовью, и вот он, думаю, любил меня всю жизнь. Такую, какая я есть. Полненькую, маленькую, острую на язык, немного злую и даже жестокую. Он часто говорил мне, когда мы оказывались вместе в компании: «Вот так и съел бы тебя, Натка!»

Он тоже нравился мне, но не настолько, чтобы видеть его каждый день. Он инженер, работает на крупном заводе, у него золотые мозги, и он до сих пор живет один. Высокий, худой, с глазами бассет-хаунда — добрейшей души человек, бесконечно преданный мне.

Катя, ох эта Катя! Она давно уже намекает мне, что лучшей альтернативы Сереже, чем Вадим, и не придумать. Быть может, когда я окончательно выкарабкаюсь из этой болезни, называемой любовью, я и обращу свой взор на Вадика.

— И что же Вадим?

Из спальни я уже перебралась в кухню, чтобы можно было спокойно разговаривать с подругой.

— Вадим, как всегда, один, — хохотнула она. — И спрашивал о тебе. Смотри, Натка, отобью.

— Как можно отбить то, что мне не принадлежит? Забирай.

— Послушай, ты все равно сейчас одна...

— Да почему ты так решила?

— Я твоего муженька, что ли, не знаю? Пока круг почета по всем клубам и тусовкам не сделает, домой не вернется. Время детское. Даже если предположить невозможное, что он вернется домой, это будет глубокой ночью, а то и под утро, ты сама рассказывала. Позвонишь ему и скажешь, что ночуешь у меня. Он проверять не станет, не такой человек. Зато ты вместо того, чтобы грустить, повеселишься от души. Ты же знаешь, у Машки собираются только наши. И о тебе все спрашивают. — Она перешла на шепот: — Ты не представляешь, как тебя все любят, как восторгаются твоими ресторанами! Даже те, кому не по карману твое меню...

В этом была вся Катя. Обязательно скажет правду в глаза. Но цены ценами, а настроение мое действительно было хуже некуда. Я вспомнила веселую формулу Жорж Санд о лучшей гигиене души и тела и решила отправиться к Машке.

— Я приеду, — сказала я, чувствуя, как волна радости в предвкушении встречи со школьными друзьями накатила на меня. — Что привезти?

— Да себя привези! — воскликнула радостно Катя. — Народ, Натка приедет!

И телефон отключился. Должно быть, Катя на радостях нажала случайно на кнопку.

Я вернулась в спальню, чтобы посмотреть, как там Сережа.

Как же сладко он спал. И как красив был во сне, даже в полумраке лунной голубоватой ночи. Я едва удержалась — хотелось поставить печать своих губ на объекте личной собственности. Или нет, мне тогда хотелось поцеловать его, как целуют красивую вещь, картину, цветок.

Сейчас я жалею, что так и не сделала этого, не прикоснулась. Он остался в моей памяти таким — спящим нецелованным ангелом, свернувшимся под одеялом.

Я сняла пижаму, надела черные брюки, красную тунику из кашемира и сандалии на

невысоком каблуке. К ним полагалась большая красная сумка, куда я сложила все мелочи для ночного пикника плюс легкие сигареты — я держу их для компаний или на случай особого настроения, потому что сама курю мало. Собрала корзинку с водкой, жареными перепелками, сыром, ветчиной, положила коробку норвежской маринованной селедки, еще кое-что по мелочи из деликатесов. Потом вышла из дома, тихонько притворив за собой дверь, чтобы не разбудить мужа, спустилась на лифте в гараж и выехала со двора в ночную Москву.

Москва, сверкающая, огромная, величественная и манящая, какой я ее люблю, обняла меня своими пустынными улицами и проспектами и долго не выпускала, заставляя то мчаться на огромной скорости, то петлять по улочкам, пока, наконец, я не вырвалась на просторы Подмосковья. Темно-синее небо проглотило меня вместе с машиной, в которой надрывался страстный Джо Кокер. Он, этот музыкант от бога, и вдохновил меня на эту ночную прогулку, заставил сердце биться быстрее и пробудил задремавшее было чувство. Я думала о Сергее, и по щекам текли теплые слезы.

Глупо отпираться — я ехала на встречу с друзьями, чтобы увидеть другую, нормальную жизнь. Надеялась с ними и среди них найти ответ на мучившие меня вопросы.

Я въехала в лес, опустила окна, и в салон хлынул прохладный хвойный воздух. Где-то здесь моя веселящаяся компания, ведь я довольно хорошо помнила дорогу к Машкиному загородному дому. Но кругом было тихо, все вокруг спало. Даже лес уснул. Окна домов в проулке, куда я выбралась, тоже не светились.

Куда все подевались? Я набрала Катю.

— Где же ты? — прокричала она в трубку, стараясь перекрыть музыку.

— Как где? Я уже в Ковригине. Но здесь тишина, никого нет.

— Наташа, дорогая, что ты вдруг в Ковригине делаешь?

— Разве Машка не в Ковригине живет? — Мне показалось, что волосы на голове зашевелились змейками. Мне стало не по себе, словно я схожу с ума и медленно осознаю это. — Машка Щукина, да?

— Да, конечно, только она давно уже свой дом в Ковригине продала и купила в Улитине.

— А почему же ты мне ничего не сказала? И что мне теперь делать?

— Даже не знаю, дорогая. От Ковригина до Улитина километров сто тридцать. Ох, Натка, это я во всем виновата, честное слово. Я аж протрезвела, все равно что не пила. Но откуда мне было знать, что ты не в курсе? Вадик, представляешь?

Я отключила телефон, развернулась и поехала в сторону трассы. Подумаешь, сто тридцать километров. Я люблю дорогу, люблю скорость, люблю ночную езду, когда во всем мире существуем только я и моя машина.

Жаль, конечно, что так все получилось. Когда я приеду, все будут окончательно пьяными или такими веселыми, что и не узнают меня.

Я вежливо попросила Джо Кокера удалиться, и в салоне зазвучал Моцарт, «Волшебная флейта». Уж не знаю почему, но ария Царицы Ночи снова выжала из глаза слезу. Становлюсь без меры чувствительной или у меня окончательно расшатаны нервы.

Я решила сама позвонить Вадиму Сажину.

— Что, путешественница, куда тебя занесло? — Я услышала родной голос и улыбнулась.

— Вадик, я скоро буду. Надеюсь, вы еще не уснете к тому времени.

Он молчал, а я слушала гитарные переборы.

— Машка играет? Господи, как же давно я вас не видела!

— Ждем-с, — отозвался он. И другим, почти интимным тоном добавил: — Я тебя жду.

— Мы ждали тебя, как праздник. Да-да, правда! Никто особенно и не пил, так, сидели, разговаривали, пели под гитару. Машка была в ударе, она пела свои песни, такие душевные, что мы почти плакали. Она очень талантливая, Машка. И красивая.

Катя вдруг замолчала, как человек, который сказал что-то бестактное.

— Катя, ты чего? Конечно, Машка красивая.

Мы продолжали вспоминать ту ночь. Должно быть, в то самое время, когда мы там, в Улитине, пили и пели, кто-то приступил к расправе с Сережей. Или он сам проснулся и поехал куда-то, чтобы встретиться с тем, кто по какой-то причине пожелал ему смерти.

— Честно говоря, я не ожидала, что ты, моя дорогая подружка, так быстро позволишь увести себя на второй этаж.

Я до сих пор недоумевала, как это Катя решилась переспать с нашим общим другом Вале́й Трушиным.

— Да он мне такие стихи читал, такие слова на ухо говорил... Сама не знаю, как мы оказались в кровати. Все это помнится смутно. Меня теперь другое беспокоит.

Катя бросила на меня многозначительный взгляд.

— В каком смысле другое?

— Думаю, ты все правильно поняла.

Но я как раз ничего не поняла. Разве что логика подсказала, что может случиться после ночи с мужчиной.

— Ты что, залетела?

Это была совершенно абсурдная, на мой взгляд, версия, но она кивнула и посмотрела на меня виновато.

— Катя, я не верю своим ушам. Ты, сама серьезность, осторожность и аккуратность!

— Вот поэтому. Я же не собиралась ни с кем спать, потому и не подготовилась.

— И что ты намерена делать?

— Аборт, что же еще? Зачем мне ребенок? Я не замужем, и мне приходится самой зарабатывать на жизнь.

— Катя, пожалуйста, не говори так. Ты знаешь, я готова отдать тебе целый ресторан, только бы ты и ребенок ни в чем не нуждались!

Я говорила это вполне искренне: уж для кого-кого, а для Катки мне вообще ничего не было жалко. Она мой самый близкий и любимый человек. В сущности, ближе Сережи, хотя сравнивать их не имеет смысла — это параллельные ряды отношений, которые никогда бы не пересеклись. Но наша с ней дружба — святое.

Другое дело, что Катя никогда бы не приняла от меня ничего в подарок. Сколько раз я предлагала ей долю в бизнесе, объясняла, что мне самой будет спокойнее, если я буду знать, что часть ресторанов принадлежит ей. Но она категорически отказывалась. Я понимала ее: она не желает быть никому обязанной, даже мне, самой близкой подруге. Однако завещание я составила таким образом, чтобы все мое имущество досталось ей. Она ничего об этом не знала, не знал и Сережа. При всей своей любви к нему я не могла рисковать ресторанами и слишком хорошо представляла, что станет с моими «Мопра» и «Консуэло» после моей смерти. Сережа продаст их по дешевке, и из них сделают обычные московские кабаки.

Слишком много сил и средств я потратила на них, чтобы вот так довериться моему алчному и беспринципному мужу.

До сих пор не могу разобраться в своих чувствах. Да, я безумно его любила, готова была сделать все, чтобы он только был счастлив, чтобы ни в чем не нуждался. Но мой мозг, пусть и пораженный вирусом страсти, все же функционировал и не давал мне превратиться в полную дуру. Когда-нибудь я непременно сказала бы ему об этом завещании. Я даже представляла себе его реакцию. Думаю, он врезал бы мне. Он такой, просто почти никто не знает его таким. Меня он, конечно, не бил, но я знаю о судьбе его первой жены: мой сыщик без труда разыскал ее где-то под Оренбургом, куда Сережа ее отправил, как в ссылку. Вот это он, молодой нервный артист из Подольска, отиравшийся в павильонах «Мосфильма» в надежде быть замеченным, поколачивал. Он даже вырвал ей как-то клочок волос, и рана потом долго не заживала. Тогда ему не везло, он никак не мог найти себя, много пил, ходил по дешевым шляхам, а досаду вымещал на влюбленной в него юной жене Тане Куликовой. Кто знает, может, он ее и прибил бы окончательно, если бы его не заметили в массовке, не пригласили на пробы исторического фильма, где он сыграл небольшую роль подлеца, циничного и коварного слуги. Кто поручится, что он не сыграл в этом фильме самого себя?

Какого труда мне стоило уговорить Катю взять денег у меня, а не в банке, чтобы открыть собственное кафе. Конечно, я надеялась, что она согласится принять эти деньги в дар, но просчиталась: Катя исправно каждый месяц переводила сумму в покрытие долга на мой счет, и ничего я поделаться с этим не могла. В этом вся Катя. Единственное, что она готова была принять, — мои советы, как обустроить кафе. И еще она не отказалась дружить с моими поставщиками, которые делали ей — по моей, конечно, просьбе — немалые скидки.

И вот теперь эта беременность.

— Послушай, откуда ты знаешь, что беременна, если прошло всего десять дней? Может, это просто задержка?

— Блюю, — кротко ответила она, опустив голову. — И это ведь не первая моя беременность. Ты знаешь, у меня дважды были выкидыши.

— Катя, давай оставим ребеночка, — взмолилась я. — Если ты не чувствуешь в себе силы растить его, отдай его мне.

Я уже видела колыбельку с качающимся в ней младенцем, и сердце мое позабыло даже об исчезновении Сережи — так я была счастлива.

— Не знаю, я подумаю. Мне тоже не хочется убивать. — У нее дрогнул голос. — Думаешь, я не хочу ребенка? Просто мне страшно.

— А Валя? Как он относится к тебе?

— Да откуда мне знать? Так, перепихнулись по пьяни.

— Не говори так! Валя хороший. И не женатый к тому же.

— То-то и оно, что не женатый. А почему? Ему за тридцать.

— Так не за пятьдесят же. Просто не встретил свою судьбу. А может, как раз теперь и встретил! Он раньше оказывал тебе знаки внимания?

— Не знаю, не замечала как-то. Да и вообще, Ната, ты посмотри на меня: кто на меня на трезвую голову польстится? Как в том анекдоте: я столько не выпью...

Она улыбнулась краешком губ. А мне так захотелось ее обнять, прижать к себе, успокоить.

— Обещай, что пока ты ничего делать не станешь.

— Хорошо. Но что-то подсказывает мне, что я снова скину.

— А это мы еще посмотрим. Завтра же поедem к моему гинекологу и начнем действовать. И потом, надо же быть уверенной, что это действительно беременность.

Уже на последних словах я снова словно вошла босиком в ледяную воду — вспомнила Сережу. Следователь Мишин, которому я щедро приплачивала, чтобы он занимался делом моего мужа круглосуточно, приехал за нами и отвез в морг.

К счастью, убитый выстрелом в сердце мужчина не был Сережей. Но пока мы с Катей курили на свежем воздухе, к моргу подъехала машина, из которой вышла молодая женщина, растрепанная, с опухшим от слез лицом. Ее поддерживал пожилой мужчина, лицо которого выражало боль. Они вошли в морг, и почти сразу же оттуда, из одного из открытых и невидимых нам окон, раздался душераздирающий женский вопль...

— Поедем отсюда, — сказала Катя.

— Дождемся Мишина. Он же сказал, что есть кое-какая информация.

Мишин, среднего роста молодой мужчина с умными глазами и быстрыми движениями, вышел из дверей морга бледный.

— Скажите, Мишин, из-за чего вы там застряли? — спросила Катя, переживая за меня. — Не очень-то приятно вас тут дожидаться.

— Извините. Работа. Надо было оформить опознание. Эта женщина, вы, думаю, ее слышали, тоже разыскивала мужа, и это дело, — он кивнул головой в сторону морга, откуда продолжали доноситься звуки женской истерики, — тоже мое.

Мы поехали в следственный комитет. Мишин по дороге сказал, что на нашей даче в Лобаново в саду кое-что нашли, что может как-то пролить свет на расследование. Заинтриговал нас с Катей.

Однако в его кабинете со мной случился настоящий шок. Хотя я изо всех сил старалась не показывать вида, что взволнована, что у меня паника.

Мишин рассыпал по столу фотографии, и первое мое впечатление было — порно. Какие-то голые тела, лиц не видно...

И только при ближайшем рассмотрении я вдруг поняла, что это за фотографии. Я почувствовала, как щеки мои запылали. Нет, это были не копии тех фотографий, что приносил мне в своем клюве мой сыщик, где были изображены мой муж Сережа и его любовницы. Все было куда круче и страшнее: это была я с мужчиной. Не с Сережей.

— Что вы можете рассказать об этих фото? — спросил меня Мишин скучным тоном.

Катя, которой было позволено находиться рядом, тоже внимательно просматривала фотографии. Она, к счастью, не проронила ни звука.

— Получается, что за мной следили, — сказала я после паузы, соображая, как следует себя вести, тем более что судьба сделала мне такой роскошный подарок — лица мужчины невозможно было разглядеть!

— Безусловно. Снимки сделаны на расстоянии, иначе можно было бы рассмотреть подробнее, — произнес Мишин и тут же осекся, понимая, что его слова имели неприличный подтекст. — Я хотел сказать...

— Да я понимаю. Вот только не ясно, кому понадобилось следить за мной?

— Возможно, следили вовсе и не за вами, — сказал Мишин. — Ваш муж, Наталия Андреевна, известный человек, актер!

У меня от сердца отлегло. Значит, он все-таки поверил (благодаря моей выдержке и внешнему спокойствию), что на фото изображен голый Сережа, а не мой молодой любовник.

— Да, я понимаю, но зачем снимать его со мной, со своей женой? Что в этом может быть интересного? Разве что, — тут я почувствовала, что краснею, — контраст... Вы не смущайтесь, Александр Петрович, я же понимаю, что мало похожу на кинозвезду.

— Если кого-нибудь здесь интересует мое мнение, — подала голос Катя, — то я совершенно солидарна с Натой. Какой смысл снимать артиста в постели с собственной женой? Где тут фишка?

— Не знаю, — пожал плечами Мишин. — Меня интересует другое: как пачка этих фотографий могла оказаться в саду?

— В каком еще саду?

— В Лобаново, в вашем саду.

— Хороший вопрос, — пробормотала я, понимая, что эти фотографии были заказаны Сережей, который не поленился установить и за мной слежку тоже. Он видел эти фото, переживал, злился, понимая, что я посмела изменить ему, собственному мужу, да притом с молодым парнем, и несмотря на все это, согласился в тот вечер поужинать со мной, а перед этим и зажать меня в передней, изображая страсть. И все это — ради кабриолета!

Действительно, как могли эти фотографии оказаться в саду? Кто-то бежал с ними и обронил? Но кто? Сережа? И когда? Получается, что Сережу на самом деле ищут, побывали на нашей даче, в саду. Но как они открыли ворота?

— Надеюсь, с фотографий сняли отпечатки пальцев? — спросила Катя и перебила мою мысль.

— Да, с ними уже поработали сегодня утром. На них отпечатки вашего мужа, Сергея Голта, еще следы неизвестных нам людей, их нет в базе.

Отпечатки моих пальцев Мишин взял еще неделю тому назад, когда завели дело «о похищении» Сережи.

— Ваших пальцев там тоже нет, — сказал Мишин, словно отвечая на мой незаданный вопрос.

— Естественно, откуда же им быть! — Я развела руками. — Как вы думаете, эти фотографии могут быть связаны с исчезновением Сережи?

— Следствие покажет, — сказал совсем уж убитым голосом Мишин, и по тому, как это было сказано, я поняла, что у него нет ни одной зацепки, ни одной улики, ничего! — Скажите, Наталия Андреевна, когда вы последний раз были на своей даче?

Дача в Лобанове была моим любимым местом отдыха. И я бывала там довольно часто. Но всегда либо одна, либо с Катей. Сережу туда было не заманить. Он предпочитал отдыхать на дачах своих друзей. Думаю, это из-за того, что там не было меня, поскольку я часто бывала занята и не могла составить ему компанию, чему он был, безусловно, рад. Да и вообще, наша дача не была предназначена для вечеринок, я обустроила ее специально для того, чтобы там можно было просто отдыхать в тишине и покое. Множество цветов, диванов и подушек, рояль... Нет, я бы никогда не позволила превратить мою дачу в вертеп с пьяными

девками, громкой музыкой, дымом жарящихся шашлыков и шумом. Мы как-то обсуждали эту тему, и я предложила Сереже купить еще один загородный дом, где-нибудь тоже поближе к Москве, куда бы он мог приглашать своих друзей-актеров. Я сказала ему, что готова оплатить не только дом, но и платить зарплату человеку, который следил бы за порядком в доме, работал в саду, а во время пикников помогал бы Сереже встречать гостей. Но Сережа, немного подумав, отказался, понимая, что в таком доме он все равно не будет чувствовать себя свободным, зная, что в любой момент туда могу заявиться я. А так, у друзей, он мог вести себя как заблагорассудится, не опасаясь моего появления. Свобода — вот что ценил мой муж больше всего на свете (ну и деньги, конечно!).

— Я часто бываю там, но последний раз была еще до исчезновения Сережи, где-то примерно за неделю. Мы с Катей там были, привезли коробку с английскими розами, помнишь, Катя?

— Конечно, помню, — очнулась от своих раздумий моя подруга. Я понимала, о чем она думает. Пытается понять, кто мой любовник. Расспрашивать она меня не будет, не такой это человек, но изнывать от любопытства точно станет — она же все-таки женщина.

— А Сергей Яковлевич?

Я объяснила ему положение вещей.

— Однако предполагаю, что фотографии были заказаны все же вашим мужем, а потому и в дом они были привезены им, — рассуждал Мишин. — Следовательно, он был там, вопрос — когда. И зачем он туда приезжал, если, как вы говорите, он не любил там бывать.

— Да мало ли. Может, он там учил роль, — предположила я. — Там очень тихо, и все условия для того, чтобы уединиться, сосредоточиться. Я не знаю, мне он, во всяком случае, не говорил, что ездил на дачу.

— А он вообще предупреждает вас о своих передвижениях? Поездках? Планах?

— Да, конечно, — солгала я, ловя на себе осторожный недоуменный взгляд Катя. — Он же мой муж.

— Скажите, Наталия Андреевна, у вас есть любовник? — Мишин посмотрел мне в глаза твердым, немигающим взглядом. — Вы поймите, я спрашиваю вас не из праздного любопытства, просто я пытаюсь понять, кто мог желать вреда вашему мужу.

— Да вы не тушуйтесь, — успокоила я его. — Я же все понимаю. Нет, у меня нет любовника. С таким мужем было бы просто глупо иметь кого-то на стороне. Я же вышла за Сережу по любви, по большой, заметьте, любви. Так что соперника у Сережи не было и не могло быть.

Я лгала, как дышала. Спокойно, легко. Единственный человек, перед которым мне было стыдно за эту ложь, была Катя. Но зачем ей знать о моих слабостях?

— А у Сергея Яковлевича были любовницы?

— Возможно, — сказала я. — Но свечку я не держала. Сами понимаете. А тому, что пишет желтая пресса, я не верю. Точнее, не хочу верить. Меня тошнит от этих сплетен.

— Хорошо. Не уезжайте никуда из города.

— Да куда же я уеду, если Сережи нет? Вот найду его, тогда мы с ним отправимся в Париж, я же запланировала покупку автомобиля для него... — Слезы выступили на моих глазах, голос сорвался. Уж не знаю, что происходит время от времени в моей душе и голове, люблю ли я Сережу или ненавижу, но, вспоминая наш с ним последний ужин, разговор о машине, его спящего, залитого лунным светом, мне хочется плакать.

— Скажите, а каквы оказались в саду? — спросила Катя, соображая куда четче, чем я. — Там же ворота на кодовом замке.

— Так вы же в нашу первую встречу дали нам ключи, пульт... — сказал, нахмурившись, Мишин, и я, вспомнив об этом, аж зажмурилась от стыда.

— Простите... Совсем вылетело из головы.

— Да ничего страшного, вы были в таком состоянии.

— Надеюсь, ключей от своей квартиры я вам не давала?

— Нет.

Мишину позвонили. Он сказал:

— Пусть заходит.

Дверь отворилась, и в кабинет вошла девушка. В шелковом, в розах, платье, со шляпкой на голове. Длинные рыжеватые локоны спадали на плечи. Большие голубые глаза, вздернутый нос, большой, небрежно покрашенный розовой помадой рот. Она была почти красавицей, если бы не странное выражение лица, выдававшее ее психическое нездоровье.

— Здравствуйте.

— Проходите. Садитесь. — Мишин показал ей на стул рядом со мной. И, обращаясь к нам с Катей, пояснил: — Это Лиза Воронкова, хорошая знакомая вашего мужа.

Девушка тотчас вскочила, отпрянула от меня, словно для того, чтобы получше рассмотреть. Глаза ее просто бегали!

— Вы Наташа Соловей! Жена Сергея! Я так рада с вами познакомиться! — Лиза протянула мне длинную, тонкую и бледную руку. — А я поклонница вашего мужа. Нет, вы не подумайте ничего такого. Мы — фан-клуб Сережи! Мы ездим за ним всюду, нас не так много, вернее, много, но не все имеют возможность ездить за ним на гастроли. Но у меня вот есть такая возможность, к счастью, и господин Шерман всегда помогает нам, сообщает, когда и куда Сергей отправляется.

Шерман — это агент Сережи. Альберт Шерман, я зову его просто Аликом. Он хорошо знает свое дело, уже много лет работает с Сережей, обеспечивая ему густой план гастролей, но держится как-то в стороне от меня, словно чего-то боится. Возможно, он просто много чего знает о моем муже и боится, как бы я не начала потрошить его, выбивая из него информацию. Возможно, сам Сережа представил меня ему как монстра, акулу, опасную тварь, с которой лучше не связываться и держаться от нее в стороне. Думаю, так.

— Вы позвонили нам и сказали, что вы видели Сергея Голта незадолго до его исчезновения.

— Да! В газетах написали, что он пропал четырнадцатого июня, а тринадцатого я видела его, вот как вас! Пишут, что он вышел из театра через черный ход, что на нем был черный плащ! Неправда все это! Он вышел, как обычно, с парадного хода. На нем были черные джинсы и белый тонкий свитер, а в руках — красные розы. Мы бросились к нему, он немного поговорил с нами, после чего сел в машину и поехал. Но...

Тут лицо Лизы вдруг стало красным, а на лбу выступили бисеринки пота. Она смотрела на меня с ужасом. Потом медленно повернула голову и обратилась к Мишину:

— А можно, Наташа выйдет?

Меня, первое, покорило, что она обращается ко мне «Наташа», словно мы с ней давно знакомы. Конечно, мое имя «Наташа Соловей» стало как бы брендом, это так. Но когда мое имя звучит вот так обыденно, из уст сопливой девчонки, мне становится не по себе. Второе,

она словно бы опомнилась, что я — все-таки жена ее кумира! Дошло, наконец! Маленькие шлюшки!

Мишин взглянул на меня, я категорически была против того, чтобы покидать кабинет. Не за то я плачу следователю, чтобы меня выставляли из кабинета.

И тут я почувствовала, как Катя тихонько щиплет меня за руку и взглядом косит в сторону стены, большую часть которой занимало огромное прямоугольное зеркало. Я усмехнулась. Все понятно. Мне только в кино пока доводилось видеть хрестоматийную комнату допроса с зеркалом-шпионом, установленным так, что из соседнего помещения отлично просматривается вся комната.

— Наталия Андреевна, пожалуйста, — едва слышно произнес Мишин, я тотчас встала и вышла из кабинета, Катя последовала за мной.

Мы бросились в соседнюю комнату, которая, к счастью, была открыта, и оказались в полупустом помещении с несколькими стульями и большим прозрачным окном, выходящим в кабинет Мишина. Комната была оснащена специальной аппаратурой, позволяющей слышать все, что происходило по соседству.

— Теперь мы одни. Что вы хотели рассказать, Лиза? — спросил Мишин с видом очень сомневающегося человека. Чувствовалось, что он относится к ней по меньшей мере несерьезно. Однако за неимением других свидетелей, вероятно, Мишин не побрезговал показаниями и этой, слегка сдвинутой девицы.

— Он вышел, как обычно, через парадный вход, — начала Лиза. — Постоял рядом с нами, кому-то написал что-то в блокнотах... Потом сел в машину и поехал. Я дожидалась его за углом дома, знаете, там, за театром, есть кондитерская «Брюлле», вот там мы обычно и встречались.

Мы с Катей переглянулись. В воздухе запахло клиникой, лекарствами, нездоровьем.

— Да? И что же? Он подждал вас там?

— Да, а что в этом особенного? Он не хотел, чтобы нас видели вместе. Мы скрывали свою любовь.

— Хорошо. И что было потом? — Мишин закурил.

— Я села в его машину, и мы поехали ко мне. Я живу буквально в двух шагах от театра, на Гончарова. Живу одна, и никто мне не указ. Дом у нас старый, двор порос липами... Сережа оставил свою машину как раз под липами, мы поднялись ко мне, я предложила чаю, но он отказался. Знаете, я еще окно открыла, чтобы в комнате пахло цветущей липой... Было так романтично.

— Скажите, Лиза, вы это серьезно или придумали? — не выдержал Мишин и затаился дымом.

— Почему это придумала? Я рассказываю вам правду. Хочу, чтобы вы не слушали этих журналистов, а поверили мне, настоящему свидетелю! Он был у меня в тот вечер, и, возможно, я видела его последняя.

— Хорошо, он не пил у вас чай, отказался. И что же вы делали?

— А вы не понимаете что, что ли? — взвизгнула Лиза, выстреливая фальшивым фальцетом. — У нас был секс! Примерно полчаса все это длилось.

Мишин швырнул ручку, она слетела со стола и, ударившись о стену, упала на плиточный пол.

— Вы думаете, мне это интересно, сколько у вас длился секс? — Он бросил

извиняющийся взгляд на зеркало, а заодно и в мою растревоженную душу.

Катя слушала и смотрела молча. Казалось, рассказ этой сумасшедшей увлек ее.

— Я же рассказываю вам это все не просто так. Дело в том, что никто не знает о том, что Сережа бывает у меня почти каждый вечер после спектакля. Он бывает недолго, говорю же, в среднем около получаса. А после этого он возвращается в свою привычную жизнь. У него есть семья, жена, вы сами знаете. И официальная любовница Лена Юдина.

— А кем тогда приходиться ему вы? — спросил Мишин устало.

— Я — его любовь. Но тайная, понимаете?

— Вы можете доказать, что он был в тот вечер у вас?

— Да я могу доказать сто раз, что он бывал у меня! Я же сохраняю у себя все то, что... Вот, смотрите! — С этими словами Лиза открыла, звонко щелкнув застежкой, белую лакированную сумочку и извлекла оттуда нечто, похожее на сложенный в несколько слоев прозрачный полиэтиленовый пакет. — Там — презерватив, полный спермы Сергея Голта.

Катя, сидящая рядом со мной, можно сказать, щека к щеке, выругалась матом. Затем еще и еще раз.

— Ты веришь ей? — догадалась я.

— А ты нет? — Она удивленно вскинулась на меня. — Да она говорит о твоём муже-развратнике сущую правду! Конечно, я верю ей. Я читала кое-что по этому поводу. Некоторые мужчины предпочитают иметь дело вот с такими малахольными. Это их заводит. Знаешь, чисто механический акт, и все — чао-какао! Ни к чему не обязывающие отношения. Физиология, граничащая с извращением. Или ты думаешь, что он действительно любит эту Лизу?

Мишин между тем внимательно разглядывал лежащий перед ним предмет.

— Вы серьезно? Это презерватив со спермой Голта?

— Да. Я никогда не оставляла надежду забеременеть от него, чтобы заполучить себе его копию, понимаете? Сына, похожего на него. Но для этого нужно, чтобы это произошло в определенный день. Мне просчитали всю схему, там связано с кровью, там все сложно... Но мне-то нужен только сын, а часто получается, что мы с ним бываем в неположенные для зачатия дни, а у меня рука не поднимается выбросить эти штучки в помойное ведро.

— Меня сейчас стошнит, — взялась за горло с брезгливой миной Катя.

Я же в мыслях медленно наводила на нее курок своего вечно заряженного пистолета. Вот тварь! Даже если она это придумала, каково мне это выслушивать?

— И много у вас этих штучек?

— Много. Целая коробка. Как гербарий. — Она засмеялась, и меня передернуло от этого почти детского хихиканья. — Когда я узнала, что Сережа пропал, я сразу почему-то подумала, что его убили. Из ревности. Подумала сразу на Лену. Знала, вот чувствовала, что будут искать свидетелей, что станут интересоваться, где он был накануне, кого видел, о чем говорил и все такое. И понимала, что мне, скорее всего, никто не поверит, что он был у меня. Поэтому я отнеслась к делу серьезно.

— В смысле?

— Пошла с этим доказательством, — она ткнула пальцем в пакетик, — в лабораторию судмедэкспертизы, попросила сделать анализ.

— Да неужели?

— Наш Мишин нервничает, — прошептала Катя. — Еще немного, и он ее ударит.

— Эти судмедэксперты меня послали, — вздохнула Лиза. — Вот поэтому я позвонила сюда и попросилась к вам, сказала, что у меня есть информация.

— Потрясающе. Но что вы можете конкретно сказать о Сергее? Вы кого-нибудь подозреваете?

— Конечно! Иначе зачем бы я сюда пришла? Он у Лены Юдиной. Все наши об этом знают, да только никто не посмел бы прийти к вам. Он либо живой, либо мертвый. Она его либо похитила, либо убила из ревности.

— Но где доказательства? Это одни домыслы.

— Да, правильно. Доказательств нет. Но то, что между ними произошел недавно серьезный разговор, это точно! Она, эта Юдина, тоже старается не светиться и редко когда подходит к театру. Они встречаются на квартире, я могу вам дать адрес, это на Масловке. Так вот, примерно двенадцатого июня я видела эту Юдину возле театра. Она стояла за углом и курила. На ней были темные очки. Я следила за ней, и в какой-то момент она сняла очки, чтобы протереть их, потому что рядом работал газонокосильщик и сыпанул на нее зеленой травяной пылью... И знаете, что я увидела, когда она сняла очки?

— Да нет, откуда же мне знать, — чуть ли не простонал теряющий терпение Мишин.

— Фингал! — торжественно произнесла Лиза.

И Катя моя снова выругалась.

Я посмотрела на свои руки — они дрожали. От злости. Как же я ненавидела тогда эту малахольную Лизу! Животное! Грязное животное!

Оказывается, я произнесла эти слова вслух, благо рядом была только Катя. Она положила свою руку на мою.

— Успокойся, все мужики такие.

— Да я не о Сереже, я о ней, об этой гадине! — Я вырвала свою руку, словно Катина рука была рукой Лизы. Но Катя снова попыталась меня успокоить, взяв мою руку в свою.

Между тем допрос продолжался, и Мишин, которому и деваться-то было некуда, оформил показания Лизы надлежащим образом, заставив расписаться за каждое произнесенное ею слово.

— Ты думаешь, это все правда? — чуть ли не плача, спросила я Катю. — Неужели он сразу после репетиции или спектакля сначала был с этой дурой, а потом уже, купив букет, мчался к своей так называемой официальной любовнице Юдиной? Что это такое, Катя? Это мужские дела, физиология? Или ему это нужно...

— Для самоутверждения, ты правильно подумала, — она прочла мои мысли.

— Но если он такой сильный в половом плане и ему просто необходимо это делать так много и часто, то почему он выбрал именно ее, эту Лизу?

— Говорю же. Он извращенец!

Сквозь шпионское зеркало мы видели и слышали все, что происходило в кабинете Мишина, и когда раздался телефонный звонок (дежурное пиликанье мобильного, никак не характеризовавшее личность в отличие от тех, кто программирует индивидуальный сигнал, вот как Катя, к примеру, марш из вердиевской «Аиды» или я — арию Папагено из моей любимой «Волшебной флейты» Моцарта), мы увидели, как взлетели брови Мишина в удивлении.

— Вот как? Хорошо, везите ее сюда.

Он отключил телефон и некоторое время сидел с сосредоточенным видом, глядя куда-то мимо утомленной своим подробным порнографическим рассказом Лизы.

— Что ж, спасибо вам, Лиза, за то, что вы пришли к нам и все рассказали.

— А это? — Она ткнула пальцем в пакетик с презервативом. — Что, я так и буду носить это в сумке? Или вы все же сподобитесь приложить это к материалам следствия? К тому же мне не хочется, чтобы вы думали, будто бы я сумасшедшая и все это выдумала.

— Хорошо, я приму у вас это, вот только приглашу понятых, чтобы оформить все по правилам.

— Пожалуйста!

Мишин вышел из своего кабинета и заглянул к нам. Думаю, у меня был такой жалкий вид, что он растрогался, подошел ко мне и даже положил свою руку мне на плечо. Они прямо как сговорились с Катей, разве что не тискали меня в своих дружеских объятьях.

— Мне бы очень не хотелось ей верить, но уж очень убедительно выглядит ее

рассказ, — сказал он. — И я обязан принять у нее это так называемое доказательство. Екатерина Генриховна, вы не будете против, если я приглашу вас в качестве понятой?

Катя посмотрела на меня, я кивнула, и они ушли, оставив меня наедине со своими мыслями и отчаянием.

В тот момент мне казалось, что чаша моего терпения переполнилась и моя любовь внутри меня принялась выжигать все мои внутренности — так мне стало физически больно. Ну ничего не оставалось от того моего чувства, которое я прежде испытывала к своему мужу. Я мысленно расчленила его топором, обрушивая всю его тяжесть со всей силой на упругое молодое тело, вонзая острие в мякоть... Думаю, что в тот момент я была на грани помешательства от горя. Как мог он пользоваться услугами такой отвратительной шизофренички, какой была Лиза? Неужели тот факт, что она была нездорова, действительно возбуждал его? А может, она позволяла ему какие-нибудь извращения, которые он не мог получить не то что от меня, даже от Лены Юдиной? Кто знает, что может вдохновлять творческую личность?

Я открыла глаза. Катя трясла меня за плечо.

— Ната, Ната, что с тобой?

Я глубоко вздохнула, не зная, как рассказать ей, что я только что изрубила на куски коварного изменщика. Когда-нибудь мое воображение переплетется с действительностью, и тогда я уже не буду знать, что было на самом деле, а что — только в моих мыслях.

В кабинете за столом сидел Мишин и курил. Лизы не было. Видимо, увлекшись своими фантазиями, а может, и потеряв на время сознание, я упустила момент, когда она покидала кабинет, шурша своим шелковым, в розах, платьем. Не дразнила меня уже и ее легкомысленная, с шиззой, шляпка, которая удалилась вместе со своей хозяйкой.

— Катя, поехали уже домой... — взмолилась я.

— Подождем еще. Минут через пятнадцать привезут одну свидетельницу, Мишин предложил нам с тобой послушать. Вдруг что-то важное?

— Ну давай, — согласилась я без особого желания. Мне хотелось на воздух, подальше от этого ужасного места, где мне пришлось испытать так много разочарования и боли. — Но потом пообещай, что поедешь со мной на дачу. Что-то мне здесь душно стало, да и Москва в какой-то миг превратилась в ад, где меня поджаривают на сковородке... Вот скажи, Катя, ты бы выдержала все это? Всех этих безумных любовниц, откровения? Она разве что не показала, что с ней делал Сережа... Ловила кайф, рассказывая об их отношениях.

— Кофе? — спросил меня наш услужливый и слегка успокоившийся после визита дамы в шляпке Мишин. Я чувствовала, как ему неловко передо мной за все то, что мне пришлось выслушать, сидя в соседней комнате.

Боясь разочароваться и в кофе, я отказалась. В машине, в холодильнике, у меня всегда имелся запас ледяной минеральной воды, да только когда я туда попаду?!

— Что за свидетель? — спросила я, плюхнувшись напротив следователя с презрительной миной.

— Официантка из ресторана «Де флер». Мой человек отправился к ней после ее звонка, сказал, что ее показания могут пролить свет на наше расследование, вернее, поиски.

Я достала из сумочки мокрую салфетку и без стеснения принялась протирать лицо. Катя

последовала моему примеру. Когда шарики скомканных салфеток полетели в мусорную корзину, раздался стук в дверь, показалась улыбающаяся голова помощника Мишина, веселого проворного парнишки лет двадцати с небольшим, после чего дверь распахнулась, и в кабинет вошла, несмело ступая, невысокая девушка в коротком черном платье, поверх которого был надет маленький кружевной фартук. Волосы девушки были туго стянуты на затылке в короткий, но объемный хвостик каштановых волос. Она была довольно милая, привлекательная девушка. На ногах ее были черные кожаные «балетки».

— Меня зовут Неля Атаева, — сказала девушка, по знаку Мишина усаживаясь рядом со мной, наискосок от Мишина. — Я позвонила по телефону, какой был указан на сайте Сергея Голта... Все знают, что он пропал, и давно. Но я видела его буквально вчера днем! Он приходил в наш ресторан с одной девушкой, пообедать. Я сама лично обслуживала их столик.

Рядом со мной произошло движение, затем раздался грохот падающего стула. Все бы ничего, но он упал вместе с Катей. Нервы!

Мы с Мишиным бросились ее поднимать, приводить в чувство. Я сама, чуть не захлебнувшись, набрала в рот теплой, тошнотворной воды из графина, чтобы брызнуть подруге в лицо.

— Катя, милая, ты что? Да разве ж так можно? — Я похлопывала ее легонько по бледным щекам. И тут я вспомнила, что она беременна. Боже, как же все это необычно, непривычно, удивительно и радостно! Я уже увидела счастливые глаза Валика Трушина, когда он узнает о том, что скоро станет отцом. Господи, как же много радостных и приятных хлопот нам теперь предстоит! Черт с ним, с Голтом, который попросту сбежал от меня... Надо же, ходит спокойно по Москве с очередной пассией, обедает, а может, и ужинает!

Катя открыла глаза, увидела меня и облегченно вздохнула. Потом мы с Мишиным усадили ее на стул, где она уже окончательно пришла в себя. Она подозвала меня к себе и шепнула в ухо:

— Живот не болит, это не выкидыш, слава богу.

Девушка Неля сидела, наблюдая за нами с ужасом на лице, вероятно, совершенно растерявшись и уж никак не связывая этот Катин обморок со своим сообщением.

— Жарко, да? — тихо спросила она просто для того, чтобы что-то сказать.

— Итак, — Мишин вернулся за свой стол, сцепил пальцы рук, приготовившись выслушать посетительницу до конца. — Значит, говорите, видели его с девушкой. Это точно был он?

— Да, конечно... Я еще сказала девчонкам, смотрите, Сергей Голт собственной персоной, да еще и с любовницей. Все же знают, что он женат на рестораторше Соловей. Но только это была не Юдина.

— А вам откуда известно о Юдиной? — спросил Мишин.

— Так все пишут. И в интернете полно снимков. А что, это неправда?

И тут она задержала взгляд на мне, нахмурилась, и в ту же секунду ее лицо начало наливаться кровью. Казалось, еще немного, и голова ее бестолковая треснет. На кончике носа Нели образовалась прозрачная капля пота, которую она незамедлительно смахнула.

— Ой, извините, — прошептала она, отворачиваясь и делая движение в сторону двери, как будто собиралась сбежать.

— Да ничего, девушка, — ответила я тоном женщины, давно уже привыкшей к изменам

мужи и снисходительно к этому относящейся. — Все нормально.

— Ах, ну да! — Она вдруг переменялась в лице, глаза ее засияли. — Он жив, вот что главное!

Мы с Катей переглянулись, охваченные, думаю, одним и тем же чувством счастья: Сережа жив! Пусть он перелюбится со всем женским населением Москвы, подумала я, лишь бы то, что рассказала официантка Неля, оказалось правдой и мой муж оказался жив и здоров! И если уж он так хочет развода, то он его получит.

Вот на такой радостной волне, оставив за спиной мрачные воспоминания после посещения морга с чужими трупами и страхами увидеть остывшее тело мужа, направив свои мысли на Катю, беременность которой должна была наполнить наши с ней жизни новым смыслом, я и собиралась расстаться уже с Мишиным. И тут снова раздался звонок. Мишин буквально несколько минут слушал, после кивнул головой и вздохнул, отключая телефон.

— Нам прислали видео с камеры наблюдения банка, расположенного как раз напротив вашего кафе, — обратился он к официантке Неле. — Действительно, вчера в половине первого, в обеденное время, в ваше кафе зашел человек, удивительным образом похожий на Сергея Голта, но это, к сожалению, не он. Вы можете идти.

Неля поднялась, извинилась и, уверена, сгорая от стыда, выбежала из кабинета.

Я окаменела. Просто потеряла способность двигаться или что-либо говорить.

— Катя...

— Ничего, подождем еще, — сказала Катя, помогая мне подняться со стула. — Пойдем.

— Мне жаль, — развел руками Мишин, поднимаясь из-за своего стола. — Но будем искать.

— А это точно не он? Может, стоит и нам взглянуть на это видео? — спросила Катя.

— Да там довольно хорошо видно, что это не он. И ростом этот мужчина пониже, и вообще не он. Если вы хотите, мы можем предоставить вам это видео, не проблема.

— Да, я хочу, — сказала я тоном капризного ребенка, понимая, что веду себя глупо. Разве что ногой не притопнула.

Катя, понимая, что у меня сейчас начнется истерика, подхватила меня под руку и вывела из кабинета.

— Семь кругов ада, Катя, — прошептала я, глотая слезы и опускаясь по стеночке вниз, поскольку ноги мои меня уже не держали. — Семь кругов.

— Нельзя здесь, поднимайся, Ната. Я готова поехать с тобой в Лобаново. Вот только к Юре заеду, предупрежу его, что уеду. Не переживай, Ната, все будет хорошо.

Она села за руль.

Я смутно помню, как мы заезжали в «Цахес». Кафе на удивление было полно посетителей. Многих я знала в лицо — это были актеры из театра «Скорлупка». Надо сказать, что театр этот был необычным, экспериментальным и, на мой взгляд, удивительным. Режиссер Алик Туманов собрал под одной крышей людей невероятно талантливых буквально во всем. Каждый артист обладал, помимо яркого артистического таланта, умением играть на каком-нибудь инструменте, петь и танцевать. Туманов сам писал пьесы для своего театра, и все они были не похожи одна на другую. Были пьесы, написанные в классическом, традиционном духе, а были удивительные, странные, оригинальные, с какими-то

потрясающими декорациями, задумками, которые неизменно приводили в восхищение зрителей, полюбивших этот театр буквально с его первой постановки. Кроме этого Туманов довольно часто вводил в свои спектакли настоящих животных: собак, кроликов, лисиц, а главным персонажем одного из самых потрясающих спектаклей была лошадь, которая прежде была человеком. Для таких спектаклей животных специально дрессировали, но, участвуя в спектаклях, в большинстве своем играли с использованием поводка. Содержались животные в специально построенном для них флигеле театра, где за ними ухаживал целый штат сотрудников.

Катя и сама была поклонницей режиссера, не пропускала ни одной премьеры и, занимаясь рекламой своего кафе, активно рекламировала и «Скорлупку».

Одним из достоинств кафе «Цахес», помимо оригинального меню, были дешевые цены. Если бы не эта его приятная особенность, вряд ли здесь собиралось столько народу. Понимая, что актеры — народ небогатый, Катя тщательным образом продумывала меню, чтобы, во-первых, это было вкусно и быстро, во-вторых, недорого. Так, к примеру, в меню было тринадцать видов бутербродов, которые делались быстро и продукты для которых стоили сущие копейки. Салаты — свекольный и морковный — вообще практически ничего не стоили, но всегда шли на «ура». Селедку, которая шла классической закуской к водке, Катя засаливала сама, а потом замораживала, что позволяло ей значительно сэкономить. В подвале кафе стояли бочки с солеными помидорами и огурцами, что также стоило недорого, но раскупалось опять же как закуска к алкоголю. Но весь этот гастрономический дешевый рай продолжался ровно до двадцати двух часов, после чего все бутерброды убирались (вернее, продавались по смешной цене одной предприимчивой барышне, открывшей по соседству небольшой пансион для пенсионеров), и на витрине появлялись дорогие рыбные и мясные деликатесы, икра. Это было время для всех тех, кто, несмотря на дороговизну, приходил сюда уже по инерции, с любовью к «Цахесу», чтобы отметить какое-нибудь событие, пропить гонорар с друзьями, а то и просто душевно и дорого выпить.

И все, абсолютно все в этом кафе делал Юра, молчаливый и работающий красивый мальчик, по сути, душа этого кафе. Он готовил бутерброды, салаты и делал это со вкусом, удовольствием, фантазией. Тщательно продумав техническое оснащение кухни, он сделал так, что всю тяжелую и муторную работу за него делали машины. Он же и прибирал в кафе, вечерами делая заготовки на следующий день, продумывая, чем бы еще удивить своих постоянных посетителей.

Мы появились в «Цахесе» в тот момент, когда Юра, буквально разрываясь между барной стойкой и черным ходом в кафе, принимал продукты, носил сыры (красные, оранжевые и желтые кругляши) и укладывал их в кладовку.

— Почему не возьмешь кого-нибудь ему в подмогу? — каждый раз спрашивала я Катю, наблюдая подобные сцены.

— Чужие будут воровать, — отвечала она мне каждый раз одной и той же фразой. Я знала мнение Юры на этот счет — он был полностью согласен со своей теткой, не желал терпеть рядом с собой кого-то еще.

— А это ничего, что у парня совсем нет времени на личную жизнь?

— Пусть он только скажет мне, что ему нужен помощник, как я сразу же все устрою. Но он пока молчит. К тому же, не забывай, он выплачивает кредит, ему уже немного осталось. И

вообще он молод и полон сил.

Юра запер кладовку и вернулся к бару, где мы поджидали его, устроившись на высоких стульях. В зальчике за столиками сидели посетители и закусывали бутербродами с кофе. Один знакомый артист с опухшим лицом подошел к стойке и заказал Юре свекольный салат, пиво и вареные яйца. Тот быстро и вежливо его обслужил.

Я бросила на Юру взгляд, полный нежности. Если бы только Катя знала, на кого он, этот чудесный мальчик, растрчивает свою последнюю ночную энергию! Мне даже страшно представить, что будет, если она узнает о нашей с Юрой тайне...

— Мне водки, — сказала я, чувствуя, как слезы закипают, а в грудь словно вбили кол. — Что-то тяжелый выдался сегодня денек.

— Да уж, — кивнула Катя, — не простой. Но ты особенно-то не напивайся.

— Катя, это когда это я напивалась? — Я готова была уже обидеться, но не успела, хлопнула сразу пару рюмок хорошей дорогой водки, закусив бутербродом с черной икрой, мгновенно приготовленным мне Юрочкой сейчас, среди бела дня, вопреки заведенным здесь правилам. — Поехали в Лобаново уже.

На голодный желудок водка распоясалась и разлилась по всем моим жилам, пока не ударила в мою и без того больную голову. Пока Катя отлучилась на склад, а Юра протирал столик после ухода посетителей, я позвонила Грушеньке, цыганке, которую очень любила и песни которой так любила слушать под настроение. Грушенька со своей семьей выступала на корпоративах, свадьбах, ее приглашали в рестораны, а когда в Москве не было работы (цыганских коллективов в Москве великое множество!), они выезжали выступать в глубинку. Я всегда знала, что рано или поздно они еще проявят себя и, быть может, когда-нибудь откроют свой маленький театр.

— В Лобаново, прямо сейчас, — сказала я Грушеньке. — Купите водки и закуски, сладостей разных. Сами знаете. Я жду.

Когда вернулась Катя, я как ни в чем не бывало собиралась, подкрашивала губы, собираясь выйти.

— Что-то не нравится мне твой взгляд, — сказала Катя, усаживаясь на руль и поглядывая на меня с подозрением. — Тихая какая-то. С тобой все в порядке?

— Очи черные, — тихонько запела я, глядя в окно. — Очи страстные...

— Все ясно. Приедем домой, примешь душ и спать. День действительно выдался тяжелым. Сначала труп в морге, потом Мишин, Лиза, Неля. Да еще эти фотографии странные. Но ничего, говорю же, все будет хорошо, найдется твой пропавший гулящий муженек.

— Ты делаешь мне больно, — заметила я и, набрав в легкие побольше воздуха, вдохновенно пропела: «Как люблю я вас, как боюсь я вас...»

— «Знать, увидел вас я не в добрый час!»

Гостиная моего еще недавно такого тихого дома в Лобаново была полна цыган. В роскошных ярких костюмах они расположились на моем ковре, креслах, стульях, диване, и брат Грушеньки Рома, черноволосый красавец с пылким взглядом, уже во второй раз проникновенно, душевно исполнял мой любимый романс, вот только он назывался не «Очи черные», а «Очи зеленые».

Мой дом, выпотрошенный неизвестными (меня попросту обворовали!), превратился в

настоящий вертеп! Мне не было дела до того, что именно вынесли, поскольку в тот момент, когда мы приехали туда, меня интересовало только одно — чтобы поскорее приехала Грушенька. Пока есть настроение, пока не уснула! Я даже не сразу поняла, что случилось.

— Дверь распахнута, твой здесь! — произнесла взволнованно Катя, когда наша машина остановилась перед распахнутыми воротами. — Ну вот, я же говорила, что все будет хорошо! Вон и двери тоже раскрыты!

— Ну и дурак, — проговорила я с трудом, имея в виду Сережу. Язык меня не слушался, жара, водка сделали свое дело. — Там же кондиционеры, чего двери-то открывать...

Мы въехали на нашу территорию. Я вышла из машины и, дрожа всем телом в страхе увидеть своего мужа с очередной любовницей, ну просто на подкашивающихся ногах подошла к дому, поднялась на крыльцо и вошла в распахнутую дверь.

— Э-э-эй! — закричала я, чтобы дать возможность любовникам хотя бы прикрыться. — Я приехала! Сережа!

Но дом оказался пуст. На плиточном полу в холле валялись какие-то подушки, битое стекло (это потом я сообразила, что разбили мою любимую напольную вазу), сухие розы...

— Нас ограбили, — сказала Катя стонуще-плаксивым тоном. Она совершенно растерялась, а я в который раз уже подумала: ну за что ей все это? — Смотри внимательно, что вынесли?

— Музыкальный центр, плазму. — Я, обходя первый этаж, загибала пальцы, совершенно их не чувствуя. — Компьютер Сережин, ноутбуки, два... Душу они мою вынесли...

Я пьяно рухнула на диван.

— Слава богу, что ковер оставили, он персидский, стоит бешеных денег. Думаю, у них просто ума не хватило.

— Представляешь? — Катя распахнула окно, чтобы впустить в дом свежий воздух. Жара неожиданно стала спадать, и на сухую землю начали падать крупные капли дождя. Небо над Лобановом потемнело, стало темно-синим, прекрасным. — Надо же, кто-то выкопал твои английские розы под окном. «Эмма Гамильтон», мне она так нравилась! Но это не грабители, это уже точно местные бабы пришли пожить.

— У них совесть есть, однако, — заметила я. — Это я про ковер.

За воротами появился огромный черный джип-«Мерседес», посигналил.

Я улыбнулась.

— Грушенька приехала!

Катя схватилась за голову.

— Да ты спятила, Ната!

— «Очи черные!» — Я бросилась встречать своих гостей.

Спустя несколько минут мы все обнимались и целовались с цыганами. Катя, как мне показалось, тоже оттаяла и обрадовалась встрече с Грушенькой, красивой молодой цыганкой с прекрасным голосом и добрым сердцем. В свое время за один музыкальный вечер в их обществе я подарила ей лично бриллиантовое кольцо — так они меня ублажили.

Женщины из ее семьи, улыбочивые, проворные, достали из пакетов водку, закуски, быстро накрыли на стол. Мужчины достали из чехлов музыкальные инструменты: гитары и скрипки.

— Сервиз, слава богу, оставили, — сказала я Кате, имея в виду мерзавцев, проникших в мой дом и, к счастью, не успевших вынести все. — Будем радоваться хотя бы тому, что есть куда разложить балык и колбасу! Катя, скажи, чтобы порезали лимоны.

Между тем гостиная уже наполнилась гитарными переборами, к высокому потолку взлетел тонкий и чувственный силуэт скрипки. Я слышала цыганскую речь, смех. Конечно, мои гости ничего не заметили, они видели лишь мой огромный, устланный коврами дом, дорогую мебель, высокие, в пол, распахнутые французские окна, куда хлынул свежий, пахнувший прибитой дождем горячей землей, воздух. Было ощущение праздника и какого-то болезненного счастья, которое я не смогла бы точно описать. Быть может, я радовалась тому, что не нашла в доме моего мужа с любовницей, а может, мое состояние объяснялось реакцией на очередное посещение морга, где я вполне могла бы найти родной труп. Мне хотелось прочувствовать жизнь такой, какой она могла бы быть, если бы Сережа меня любил. А может, мне просто хотелось разбавить свою тоску музыкой?

— «Очи зеленые», — подсказала я Роме начало романса, попросив исполнить его во второй раз, в честь Сережи. — У него такие зеленые глаза... Ты просто не представляешь себе, какие у него глаза... Когда я смотрю в них, у меня по спине словно змеи ползут, ледяные такие, ядовитые...

Я не помню, сколько рюмок водки я выпила. Катя пыталась меня остановить, но я лишь отмахивалась от нее, понимая, что она все равно не уступит, не поставит меня в неудобное положение перед гостями. Все-таки я была хозяйка не только своего дома, но и своей тоски, своего здоровья.

Почему-то в память мою врезалось блюдо с розовыми яблоками, которое стояло на столике возле окна. На них блестели капли воды. Одна из цыганок, совсем юная девушка, в перерывах между песнями взяла одно яблоко и надкусила его своими ровными белыми и крепкими зубками, и сок брызнул ей на лицо и грудь. Я посмотрела на нее, кажется, ее звали Аделина, и подумала, что как же она еще юна и как счастлива, что не познала любовь и разочарование. И интересно бы встретиться с ней лет так через пятнадцать.

— «Часто снились мне в полуночной тьме очи... — пел Рома.

— ...зеленые, — подсказывала я, чувствуя, что улетаю куда-то к потолку.

— «...непокорные, а проснулся я — ночь кругом темна, и здесь некому пожалеть меня-а-а-а...» — Он пел таким надрывным, таким невозможно страстным голосом, что меня просто пробило на рыдания, беззвучные, судорожные. Ускоряя темп, словно по жилам его кровь потекла быстрее, он пел: — «Не встречал бы вас, не страдал бы так, я бы прожил жизнь улыбаючись. Вы сгубили меня, очи зеленые. Унесли навек мое счастье!»

— Моя бедная. — Катя обнимала меня за вздрагивающие плечи. — Ната, моя ты хорошая...

Потом было много песен, танцев, пестрые шелковые юбки так и развевались у меня перед глазами пышными веерами, а хлынувший за окнами дождь, раскаты грома придали звучащей музыке особый драматизм и глубину переживаний.

— Поешь что-нибудь, милая. — Катя вложила мне в рот кусочек копченого мяса. —

Неудобно будет, если упадешь... На тебя столько людей смотрит, не дураки же, все понимают грусть-тоску твою...

— Жалеют, да? — Я почувствовала, как мой рот скривила горькая усмешка.

— Да и платить им надо, отпускать уже.

— Катя, а наличных-то у меня нет. Что будем делать? Я как-то не подумала. Надо бы с людьми расплатиться.

— Завтра заплатишь.

— Нет, это неправильно. Сейчас нужно. Позови мне Грушеньку. Да вон она сама идет к нам. Господи, красавица-то какая! Смотри, как плывет. Спинка прямая, бедрами покачивает, глаза горят. А волосы как шелк, и кудри...

Грушенька подошла ко мне, поцеловала:

— Ната, найдется твой муж. — Она обдала меня теплым ароматом духов и молодого тела.

— Грушенька, я переведу безналом? Сколько я вам должна за музыку и закуски?

Она шепнула мне на ухо сумму, после чего достала из густых складок своего пестрого платья красную, в узорах, визитку, подмигнула мне:

— Там все!

Я пробежала взглядом: и точно! Помимо пяти номеров телефонов и электронного адреса был указан и банковский счет, куда можно перевести гонорар. Я кивнула головой, попросила Катю принести мой ноутбук, поскольку ноги меня уже не держали, ведь я в какой-то момент, когда музыка звучала особенно задорно и весело, позабыв обо всем, пустилась в пляс! Одна из цыганок набросила мне на плечи свой цветастый платок.

Катя принесла из машины ноутбук, я, с трудом справляясь с головокружением, поднялась с ним к себе в спальню. Первое, что пришло мне в голову, — это открыть шкаф, чтобы проверить, не забрались ли воры сюда. И увидела, что все на месте. Представила, как какая-то женщина, из соседей, наверное, но не московских, что купили здесь дома и дачи, а людей другого круга, менее обеспеченных, которые не могут позволить себе английскую розу за тысячу рублей, выкапывает розы, а после поднимается наверх, шарит в доме, крадет... Нет, такого не было. Просто выкопали розы и ушли. Подумали, что хозяевам будет уж точно не до цветов. А мародерничать не стали. Что ж, хотя бы это радует.

Я заперлась, открыла ноутбук и перевела на счет Груши сумму вдвое больше требуемой. Спустилась вниз.

Гости мои уже собирались, водитель побежал, прикрывая голову пиджаком, к джипу. Мы с музыкантами сердечно обнялись, попрощались. Я поцеловала Грушеньку в ее теплую розовую щечку.

— Будь счастлива, — сказала я ей.

— И ты, Ната, — ответила она мне, и в глазах ее заблестели слезы.

Бегом, спасаясь от сильного проливного дождя, мои любимые цыгане побежали к воротам, мы с Катей провожали их взглядом.

Наконец джип развернулся, просигналил и исчез за густыми зарослями дубов.

Я же протрезвела и захотела кофе.

— Ты полицию будешь вызывать? — спросила Катя.

— Я вообще не понимаю, как можно было открыть ворота, дом, если там все так сложно

открывается. Нужны специальный пульт, ключи. Ты заметила, что следов взлома как будто нет? Ничего не покорежено.

— Конечно, заметила. Думаешь, Сергей?

— Не знаю. Но в спальне его точно не было — постель не разобрана, все вещи в шкафу на месте, чисто. Нет, он здесь не ночевал, шлюх своих не приводил, если ты об этом.

— Так я звоню в полицию?

— Звони. Но не думаю, что они скажут нам спасибо за то, что мы сюда приглашали цыган... Все следы затоптаны... Как-то нехорошо все получилось, не вовремя.

— С одной стороны, конечно, не вовремя, но с другой — ты хотя бы пришла в себя, ожила... — совсем неожиданно поддержала меня Катя. Выглядела она уставшей, расстроенной. — Да я и сама с удовольствием послушала их. Никогда бы прежде не подумала, что мне так понравится цыганское пение. Они заводят, заставляют душу петь и грустить. В какой-то момент я поняла, что и сама плачу, в душе, глубоко...

Я улыбнулась. Моя Катя, как же я любила ее!

— Знаешь, к черту эту полицию! — сказала я. — Ты права, цыгане меня просто спасли! Давай лучше я позвоню Светлане Петровне, пусть придет, уберется.

— Так она же увидит весь этот погром, по деревне пойдут разговоры.

— И что? А может, она чего расскажет? Может, в деревне вообще знают, кто здесь побывал? Женщина она хорошая, уже три года работает на меня и никогда не замечала за ней болтливости.

— Твои служанки до сих пор моют полы при тебе? — улыбнулась Катя.

— А ты до сих пор называешь моих домработниц служанками? — засмеялась я. — Да, представь себе, все равно никому не доверяю. Постой... Я кое-что вспомнила... Катя... Мишин! Я же ему отдала ключи и пульт от этих ворот. А что, если он забыл запереть их?

Я позвонила Мишину, объяснила ситуацию. Мишин спокойно объяснил мне, что они действительно были на даче, и ворота открывали, и дом, но когда уезжали, то все закрыли, заперли. Само собой, в доме не было следов взлома, это однозначно. Я не могла не поверить Мишину, я доверяла ему бесконечно!

— Что нам делать?

— С цыганами вы, конечно, здорово придумали, — засмеялся Мишин в трубку. — Конечно, мы приедем! Возможно, если бы не пропал ваш муж, думаю, и вы бы вряд ли написали заявление в полицию. Посчитали бы, к примеру, что в доме был Сергей Яковлевич... Но при сложившихся обстоятельствах мы не вправе считать это ограбление случайностью. Вполне вероятно, что это происшествие каким-то образом может быть связано с исчезновением вашего мужа.

Что ж, он был прав. Получалось, что приглашать Светлану Петровну для уборки было рановато. Но, с другой стороны, она могла бы оказаться полезной следователю. Все-таки она жила в двух шагах от нас.

Светлана Петровна была не совсем местной жительницей. Большой красивый дом, построенный по соседству, практически всегда пустовал, хозяева там появлялись крайне редко. Вот и поселили туда одинокую и работающую женщину, чтобы она присматривала за домом, работала в саду и содержала его в полном порядке. Кто она и откуда, мне было неизвестно. Но то, что она превратила заросший дикий участок земли рядом с домом в

настоящий ботанический рай, — об этом знали все. Про таких, как она, говорят — у нее «зеленые руки». Каждый сантиметр сада был ухожен, с ранней весны до глубокой осени сад цвел и приносил плоды. Я сама первая пришла познакомиться с этой удивительной женщиной, потом подружилась, а поскольку у меня самой нет времени и возможности следить за садом, я попросила об этом Светлану Петровну, на что она с радостью согласилась. Но одно дело — предложить ей работать в саду и другое — в доме. С этим я не торопилась. Не хотела, чтобы в доме бывали чужие люди. Принцип, которому я следовала, следя за чистотой в московской квартире, я перенесла и в Лобаново и как-то раз пригласила Светлану Петровну, чтобы она убрала в моем присутствии. Та охотно согласилась. Думаю, она сразу меня поняла, а потому даже и разговора о том, чтобы бывать в доме в наше отсутствие, не возникало. Поэтому, обнаружив, что дом вскрыли и разграбили, я и не сразу догадалась позвонить ей, зная, что она-то автоматическими воротами не пользуется, проникает в сад со стороны леса, через маленькую калитку, от которой у нее имеется свой ключ.

Я позвонила Светлане Петровне и, когда она долгое время не брала трубку, почувствовала волнение. А что, если все это — дело ее рук? Мало ли, ведь я ничего не знаю об этой женщине за исключением того, что она хорошая садовница. К тому же она явно недавно была в саду и работала — все мои цветники прополоты, политы, отцветшие розы срезаны, дорожки расчищены.

Наконец я услышала ее голос, и от сердца сразу отлегло.

— Светлана Петровна, вы здесь, в Лобанове? Вот и хорошо. Не могли бы вы прийти к нам?

Она пришла буквально через пять минут. В рабочих широких штанах, клетчатой рубашке и в соломенной шляпе с широкими полями. Лицо ее было загорелым, она улыбалась, показывая ровные мелкие зубы. Все лицо ее было усыпано веснушками.

Я пригласила ее в дом, где Катя к тому времени уже сварила нам кофе. Мне пришлось рассказать ей об ограблении. Светлана Петровна от удивления онемела. Сняв шляпу, она пригладила свои выгоревшие светлые волосы, умылась сухими ладонями, словно желая прийти в себя.

— А я ничего не видела. Представляете? — сказала она и на некоторое время задумалась. — Я-то вхожу в сад через калитку, работаю тут. Вода у меня за домом, сами знаете, где кран, садовый домик с инструментами, цветы растут под окнами, с этой стороны, а самшит, что при входе, шары-то эти зеленые, я подстригала еще две недели тому назад, мне еще рано с ним работать. Получается, что я и возле крыльца-то не была все это время. Просто включила разбрызгиватель, и все! У меня много работы было с дорожками, там между камнями столько сорняков повылазило... Два раза пришлось точить мотыгу.

— Здесь люди были примерно десять дней тому назад, — сказала Катя, имея в виду Мишина с людьми. — Вы никого не видели?

— Нет, не видела. — Она посмотрела на Катю испуганно. — Вы что, на меня думаете?

— Нет-нет, Светлана Петровна, ни в коем случае, — уверила ее я. — Просто спрашиваем, может, заметили что.

Светлана Петровна посмотрела на меня как-то странно, словно сомневаясь в чем-то.

— Вообще-то кое-что я нашла в саду. Не думала, что буду показывать кому-то, посчитала, что это просто случайно выпало. Словом, мне страшно неудобно... Но я взяла с

собой, как чувствовала.

И она достала из кармана рубашки мятую, перепачканную землей фотографию. И когда она положила ее на стол, удивлению моему не было предела: это была одна из серии фотографий, представленных мне сегодня утром Мишиным, где была изображена любовная сцена: я и молодой мужчина. Да только на этот раз лицо мужчины можно было разглядеть, поэтому я быстро схватила ее, смяла и сунула уже в свой карман. Я была уверена, что Катя ничего не заметила, не узнала в моем молодом любовнике своего племянника.

— Да уж, неловко как-то получилось. — Я попыталась улыбнуться. По выражению лица Светланы Петровны я поняла, что возврата к этой находке, как и к разговору, с ней связанному, не будет.

Моя садовница расспросила, что украли, испортили, и когда в ряду исчезнувших вещей я упомянула английские розы, она вскочила, выбежала из дома, чтобы самой лично убедиться в этом варварском акте.

— Ну я понимаю, плазма и все такое... Ну розы-то кому понадобилось выкапывать? Это точно кто-то из местных баб, — сокрушалась она. — Я обязательно выведу. Мужики не стали бы выкапывать. Смотрите, ямы большие, так бережно выкапывать может человек, хотя бы немного разбирающийся в садоводстве, я хочу сказать, что розы вынули с комом земли. Точно это женщина! Я узнаю, кто это сделал, обещаю.

— Светлана Петровна, а вы можете показать, где точно нашли фотографию? — спросила Катя.

— Конечно, могу! Под яблоней! Идемте, покажу вам! Я еще подумала тогда: и кому это понадобилось забредать в самую гущу сада? До яблочек еще далеко.

Она была права. Вот взять, к примеру, меня. Как часто я бываю в нашем саду? До тех пор, пока в нем не созреют яблоки или абрикосы с грушами, я лишь наблюдаю его из своего окна. Мне нравится бывать рядом с моим цветником, в зоне отдыха, в беседке, люблю качаться в гамаке, устроенном между двумя старыми липами в стороне от сада, но вот там, куда нас повела Светлана Петровна, я бываю крайне редко.

Мы забрались в самую гущу сада.

— Вот эти ветки надо бы обрезать, но это уже осенью... — говорила наша садовница со знанием дела, пригибаясь под ветками. — Смотрите. Видите, тропинка, она идет как раз от калитки, вот по этой тропинке я и прихожу сюда. И вот здесь, смотрите, вот прямо здесь, у ствола яблони заметила что-то белое... Подошла, смотрю — фотография.

Светлана Петровна присела и подняла что-то с густой, давно не стриженной травы под деревом.

— Смотрите, зажигалка.

Я выхватила из ее рук зажигалку Сережи! Маленькая, черная с золотом, подарок Паравиных! Сердце мое забило сильнее.

— Катя, что это? Значит, он все-таки здесь был?

— Выходит, что так. — Она как замороженная смотрела на зажигалку.

Со стороны ворот раздался автомобильный сигнал. Приехал Мишин, как я поняла.

— О фотографии ни слова, — предупредила я Светлану Петровну. — Катя, я не хочу, чтобы снова всплыла фотография. Думаю, одной зажигалки Мишину будет достаточно. Но

как она оказалась в саду?

Мы выбрались из сада, я попросила Светлану Петровну остаться, чтобы побеседовать со следователем.

— Это из-за ограбления? — спросила она, заметно нервничая.

— Вообще-то Сергей Яковлевич пропал, десять дней уже как, — сказала я, и мои слова прозвучали как-то страшновато даже для меня. Я словно услышала себя со стороны. Десять дней — огромный срок!

— Как это пропал? — спросила она, но разговор пришлось прервать — по тропинке шел Мишин, с ним еще трое неизвестных мне мужчин.

— Интуиция мне подсказывает, что это ограбление не имеет ничего общего с исчезновением Сережи, — говорила я часом позже Кате.

Мишин сначала довольно долго допрашивал Светлану Петровну на террасе, в то время как другие люди осматривали дом, снимали отпечатки пальцев, рыскали по саду.

— Все ищут зацепку, а здесь — такое! Ограбление! Но, с другой стороны, я действительно не понимаю, как в саду могли оказаться мои фотографии, Сережина зажигалка... Да его сюда было не заманить! Катя, а ты как думаешь?

У меня сильно болела голова. Все-таки я выпила довольно прилично алкоголя, слушая Грушеньку и компанию. Сама не понимаю, как удалось так быстро протрезветь. Но пить хотелось адски. Катя приготовила мне домашний лимонад из лимонов, мяты и минеральной воды со льдом. За лимонами и кое-какими продуктами она съездила в магазин, предварительно уложив меня в постель. Не представляю, что бы я вообще делала без Кати.

Наконец Светлану Петровну отпустили, она заглянула ко мне в спальню, где расположились мы с Катей, и повторила свое обещание навести справки в деревне, у кого в саду появились три английские розы.

— Светлана Петровна, если заметите или узнаете что-то странное, что, по вашему мнению, может быть связано с этими преступлениями, пожалуйста, позвоните мне.

— Конечно, о чем речь!

— Да, и еще... — Уж не знаю почему, но иногда в самый неподходящий момент в моей голове срабатывает механизм, отвечающий за насущные, обыкновенные дела, никак не связанные с чувствами. Включается рассудок, желающий все привести в порядок. Так было и в тот раз: — Та зеленая лужайка перед домом, вы знаете, о чем я. Так вот, вы в курсе, что за ней ухаживает ландшафтная фирма. В садовом домике вы найдете газонокосилку, бензин и все необходимое. Полив там автоматический. Если вы справитесь, пострижете газон и будете следить за ним, я буду платить вам вдвое больше. Зачем платить какой-то фирме, когда можно заплатить вам.

— Я справлюсь, я видела эту газонокосилку. Она прекрасная! Такая же, как и у моих хозяев, только еще лучше! Спасибо!

— Это вам спасибо. — поблагодарив ее за все, дала я ей денег за работу плюс небольшую премию как бы за беспокойство, и мы распрощались.

— Как ты думаешь, она может быть причастна ко всему этому безобразию? — спросила я Катю.

— Уверена, что нет. Она хорошая женщина. Уж не знаю, как получилось, что судьба забросила ее сюда, в Лобаново, в чужой дом и сделала из нее садовницу, но держится она вполне достойно. Видно, что она много пережила и, скорее всего, либо осталась без жилья, либо сдает свою жилплощадь, чтобы как-то выжить. А может, помогает детям, откуда нам знать?

— Знаешь, Катя, вот сейчас, когда Сережа пропал, когда его нет и мы не знаем, что с ним, я никак не могу разобраться в своих чувствах. Меня сегодня, к примеру, так колотило там, у Мишина в кабинете и особенно в соседней «шпионской» комнате, что я представила, что я — фарфоровое хрупкое блюдо, которое сначала ошпаривают кипятком, потом опускают

в ледяную воду, и наоборот... Еще немного, и я сломаюсь. Ну нельзя так с человеком. Постоянно спрашиваю себя, что же я такого сотворила в своей жизни, где нагрешила, что сейчас так страдаю. Неужели все, кто любит, так дорого платят за эту любовь? Да была бы она взаимная, можно было бы потерпеть, но Сережа меня никогда не любил.

— Думаю, что твой грех заключается в том, моя дорогая, что ты воспринимаешь Сергея как вещь. Тебе нет никакого дела до его чувств. Ты считаешь себя жертвой, потому что тратишь на него кучу бабок, а он изменяет тебе. А теперь представь себе, что испытывает он, когда пользуется твоими деньгами и при этом понимает, что его купили.

— Да все я понимаю. — Мне был уже неприятен этот разговор. Конечно, Катя была права. Чувства моего мужа занимали меня меньше всего. Важным для меня было обладание. Я платила. Значит, имела право обладать. Вот просто посадить его в кресло перед собой и смотреть, смотреть... До головокружения, до обморока.

— А что мне нужно было сделать, как поступить, чтобы он не страдал? Отпустить его на все четыре стороны и пообещать, что буду регулярно переводить ему необходимую сумму на его счет? Вот тогда он будет счастливым?

— Да. Ты же его любишь, значит, желаешь ему счастья.

— Но не до такой же степени!

— Ната, дорогая, но жизнь так устроена... Ты хочешь, чтобы в твоей жизни наступило равновесие, чтобы все было по-справедливому, но справедливости нет вообще!

— Как это?

— Если бы, к примеру, твой отец не оставил тебе ресторан и ты не смогла бы реализовать себя как ресторатор, как бы тогда сложилась твоя судьба?

— Не знаю. Думаю, что никак не сложилась бы. Учитывая, что я некрасива, что мужчинам не нравлюсь, и это при том, что за моим лицом и телом следят настоящие волшебники, что я одеваюсь в дорогую одежду, что все мои украшения сверкают бриллиантами, то можно себе представить, какой я была бы в дешевых тряпках, без маникюра, с помадой за рубль...

— Включи фантазию. Вот чем бы ты тогда занималась? Где жила бы, если бы родители не оставили тебе жилье?

— В каком-нибудь общежитии. Сожительствовала бы с каким-нибудь шофером или слесарем, может, курила бы и пила. Жрала бы жареную картошку, заедая ее хлебом, растолстела бы еще больше... Уф, мне от представленного дурно стало...

— Вот-вот, и я о том же. А теперь представь жизнь своего Сережи — без денег, но с амбициями и не без таланта. И тут судьба ему предлагает нежную дружбу с тобой, с человеком, который ради него, ради его улыбки и поцелуя одарит его всеми земными благами... Он обыкновенный человек со своими слабостями, он принял тебя как подарок судьбы, понимаешь?

— Катя, что ты такое вообще говоришь? Какой подарок? И вообще, ты на чьей стороне: на его или на моей?

— Просто захотела открыть тебе глаза на объективные вещи. Вот мы все думаем, что с ним что-то случилось, и предполагаем худшее, так? А что, если с ним случилось что-то очень хорошее, невероятное — он влюбился!

— А мне-то что делать? — спросила я, совсем уже не понимая, куда клонит Катя. — Думаешь, если бы я его отпустила, он бы не пропал?

— Если хочешь знать мое мнение, он был здесь, на твоей даче, и не один. Думаю, те

фотографии, где ты с ним, ему принес в клюве человек, которого он нанял специально для таких дел... Возможно, Сергей предполагал, что у тебя кто-то есть, но вместо того, чтобы доставить компромат, сыщик принес фотографии, где ты вместе с самим Сергеем. Может, этот сыщик поручил проследить за тобой своему помощнику. Какому-нибудь неопытному парнишке, который не знает Сергея в лицо. Вот он и проследил... Откуда ему знать, жена ты ему или нет?

— Постой. Но фотографии нашли в саду, как они там оказались?

— Говорю же, он мог приехать в Лобаново с девушкой, а фотографии были у него в машине или в доме. Чтобы девушка случайно на них не наткнулась, он и выбросил их в саду. А иначе как объяснить, что они были под яблоней, в укромном месте?

В дверь постучали. Снова Мишин. Делает вид, что работает в поте лица, ищет грабителей. Надо же как-то отрабатывать гонорар.

Мишин вошел. По его виду я поняла, что что-то случилось. Я поднялась на постели, устремив на него взгляд. Замерла в ожидании. И вдруг в какой-то момент я поняла, что то чувство, что я сейчас испытываю, сродни тому чувству, что я придумала себе, когда мысленно расправилась с мужем и в какой-то миг осознала, что его нет. Странное чувство невосполнимой потери и одновременно облегчения. А еще страха, животного, ледяного, сметающего все хорошее на своем пути и обрекающего меня на страдания до конца моих дней.

— Мы нашли его, — сказал Мишин. — Он здесь неподалеку, в лесу.

Невидимая рука плотно сжала мой рот. Я не могла говорить. Я только сидела на кровати и смотрела на Мишина.

— Ната. — Катина рука легла на мое плечо. — Ната...

Как часто ее рука ложилась на мое плечо, то остужая меня, то согревая.

Я медленно повернула голову в ее сторону и увидела бледное лицо. Вероятно, и у меня в тот момент было такое же белое, обескровленное лицо.

— Он мертв? — Катя как будто подслушала мои мысли.

— Да. Мы случайно нашли тело. Там свежее захоронение в лесу.

Тропинка, по которой Светлана Петровна добиралась до нашего сада по небольшому лесочку, оказалась последней дорогой для моего мужа.

Тело раскопали моей садовой лопатой.

— Как вы нашли-то? — спрашивала Катя, пока я, прислонившись к дереву, стояла, глотая ртом воздух.

— Заметили монеты на траве, потом пуговицу. Люблю я эти пуговицы, — вдруг произнес Мишин, забывшись, что стоят перед разрытой могилой. Для него пуговицы — реальные улики или следы. — Вот, видите, на вашем муже пиджак с такими же пуговицами. Тело тащили по тропинке, дальше по траве, чтобы зарыть под кустами. Да и ветки еловые как-то словно наспех побросали, спешили, видно.

Я стояла и смотрела на труп своего мужа. Тело лежало на боку, лицо было присыпано землей, но я точно знала, что это он, еще до того, как эксперт очистил лицо от комьев грязи. На его прекрасном теле, которое я так любила и которое он время от времени дарил своим любовницам, была та самая одежда, в которой я видела его последний раз, только на белом

тонком свитере был еще и черный бархатный жакет с золотыми пуговицами. Пижонище! Убийцам или грабителям (никто пока не знал, сколько человек участвовало в преступлениях) даже в голову не пришло, что пуговицы на пиджаке могут быть из чистого золота. И этот пиджак — тоже подарок Саша Паравиной, очевидно, так же, как и я, безответно влюбленной в Сережу.

— Сомнений быть не может, это тело вашего мужа? — на всякий случай спросил Мишин.

— Да, это он, — кивнула я, чувствуя, как сводит шею, как ломит и болит где-то в шейных позвонках, словно голова готовится отделиться от туловища и покатиться по тропинке, по той самой тропинке, которую Сережа мой, думаю, и не видел, поскольку был мертв.

— Как он умер? — спросила я эксперта, переворачивающего тело. Мне казалось, что я во сне, а потому могу делать и спрашивать все что угодно. — Он не страдал?

— Его застрелили прямо в сердце, — ответил, не поднимая головы, — вот видите! Под черным бархатом большая часть белого свитера была бурой от запекшейся крови.

— Но как он здесь оказался? Он не любил здесь бывать и называл этот дом моей вотчиной, — зачем-то сказала я.

— Ната, пойдем уже. — Катя взяла меня под локоть и повела в сторону калитки. — Не будем мешать.

— Катя, что теперь будет? Кто его убил? За что? А может... — Я остановилась и посмотрела ей в глаза. — Может, ты думаешь, что это я?

— Не говори глупостей! — возмутилась моя подруга и обняла меня. — И вообще, забудь обо всем этом. Мало ли кто что представляет себе, фантазирует. Быть может, я, окажись на твоём месте, давно бы уже привела приговор в исполнение. Но ты у нас девушка терпеливая...

Я понимала, что она специально отвлекает меня, что она напугана не меньше моего, но переживает не за смерть Сережи, а за меня, боится, как бы я не свихнулась.

— Катя, я в порядке, — сказала я. — Думаю, что нам лучше уехать в Москву. У меня голова не поворачивается в сторону леса, я вижу его...

Мишин сказал, что я просто должна вернуться в Москву, и эта его уверенность, с которой он мне это сказал, навела меня на мысль, что ему без меня будет легче и проще работать.

— Он меня отпустил, Катя.

Я зашла на кухню, нашла в холодильнике бережно спрятанную на холод водку, закуску.

— Я не пьяница, не алкоголичка, но чувствую, что мне надо выпить. Голова раскалывается почему-то.

— Я бы и сама хряпнула, — вздохнула Катя. — Но я за рулем.

Она сама заботливо протянула мне хрустальную рюмку, я плеснула туда холодной водки и выпила, закусила ломтиком лимона, затем съела подсохший бутерброд с икрой. Затем повторила это еще дважды.

— Все, теперь поехали, — сказала я. — У меня дела.

На самом деле мне просто захотелось остаться одной. В своей квартире, чтобы все осмыслить и понять, что же произошло в моей жизни: радоваться мне или умирать от горя.

— Ты точно справишься? — спросила меня Катя, проводив до самых дверей моей

московской квартиры. — Надеюсь, ты не наделаешь глупостей?

— Катя, говорю же, я в порядке. В относительном, конечно, порядке. Все-таки убит мой муж. Любимый. — Я почувствовала, как голос мой дрогнул. — Тебе лучше уйти.

— Можно я буду тебе звонить время от времени?

— Нет. Возможно, я приму снотворное и лягу спать.

— Снотворное? — Она посмотрела на меня с подозрением. — Надеюсь, ты не жажнешь целую пачку?

— Нет. От силы две таблетки приму. Чтобы уж сразу уснуть.

— Хорошо, а я в «Цахес», надо бы отпустить Юру. Он, бедный, работает совсем без отдыха.

Она ушла, я сразу же набрала номер Юры, попросила его приехать, сообщила, что его сейчас сменит Катя.

— Что-нибудь случилось? — спросил он встревоженным голосом.

— Почему ты так решил?

— Чувствую, — коротко ответил он. Действительно, Юра всегда чувствовал, когда со мной что-то происходило. — Ты в порядке?

— Приезжай, прошу тебя.

Я приняла душ, почистила зубы, положила в рот розовую горошину клубничной жвачки — нельзя было допустить, чтобы от меня несло перегаром.

Надела мужскую белую рубашку из белого батиста, домашние черные брюки свободного покроя, приготовила себе лимонад, в точности такой, как готовила мне Катя в Лобанове. Напилась от души и стала ждать Юру. Уснула. Звонок Мишина разбудил меня:

— Скажите, почему вы не сказали, что на вас числится еще одна машина, BMW 2010 года?

— Да не знаю, а что? — растерялась я.

— Мог ваш муж отправиться в Лобаново на ней?

— Нет, не мог, она в гараже.

Я не могла ему сказать, что время от времени позволяю Юре пользоваться ею, в сущности, я бы подарила ее ему официально, да только он ни за что бы не согласился. Да и вообще, говорить о Юре мне не хотелось. А ведь если станут проверять машину, то найдут там полно отпечатков его пальцев. Что было делать?

— ...сломана... — закончила я свою лживую фразу и почувствовала, что краснею. Мне было стыдно так отчаянно врать. А что, если моя личная тайна раскроется? Как я буду выглядеть перед всеми? Подумают еще, чего доброго, что это я убила своего мужа, чтобы нам с молодым любовником никто не мешал.

— Думаю, мы должны осмотреть вашу машину, — сказал Мишин. Потом где-то рядом с ним раздались мужские голоса, он попросил прощения и отключил телефон.

Я не знала, что делать.

Юра. Юрочка.

Я очень хорошо помню нашу с ним первую встречу. В помещении, которое Катя выкупила под кафе, полным ходом шел ремонт. Я пришла, чтобы посоветовать подруге с обустройством, сообщить имена и телефоны людей, которым я доверяла и которые могли бы недорого и со вкусом оформить «Цахес». Понятное дело, что все эти люди были

предупреждены о том, что Катя — родной мне человек и чтобы они назвали ей сумму втрое меньше реальной — остальное я была готова оплатить из своего кармана. По тому же принципу она должна была закупать материалы — все должно было выглядеть таким образом, будто бы я не имела к этому никакого финансового отношения.

Дело было зимой, я вошла в пахнущее краской помещение в длинной чернобурке, в моей любимой шляпке с черными перьями наподобие охотничьей, в сапогах на шпильках. Словом, вся в черном, эффектная, наряженная для вечернего ужина с Сережей в «Метелице». Кроме рабочих в комбинезонах я увидела высокого черноглазого юношу в уютном красном свитере толстой вязки и джинсах. Он сидел, листая книгу Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер» с изумительными иллюстрациями Дениса Гордеева. Увидев меня, он захлопнул книгу и встал, от растерянности не зная, куда деть руки.

— Думаю, я знаю, кто вы, — наконец сказал он приятным, низким и каким-то спокойным, завораживающим голосом.

У него были вьющиеся черные волосы, он был необычайно красив, молод и свеж. Щеки его мгновенно стали розовыми.

— Вы та самая Наташа Соловей. — Он улыбнулся красными, красивой формы губами. — А я племянник Кати Рихтер, вашей подруги, меня зовут Юра.

— Очень приятно, Юра. — Я протянула ему руку, забыв снять перчатку, и он зачем-то ее поцеловал. Я видела, как за нами наблюдали рабочие. Думаю, на них произвела впечатление не я, а моя чернобурка, да и шляпка с перьями тоже! — Обожаю этого художника!

— И я тоже. Вот думаю, может, расписать стены в таком же духе? Не думаю, что художник обидится, скорее наоборот, ему будет приятно, когда он увидит, что кафе наше расписано как шкатулка и роспись выполнена в таких же нежных тонах.

— Я тоже так думаю.

Потом появилась Катя, мы поговорили о наших делах, и я ушла.

Второй раз я увидела Юру поздно ночью, когда возвращалась домой после открытия выставки одного молодого художника, друга Сережи. Расхаживая по галерее и рассматривая картины, выполненные в современной чудовищной манере с потеками крови и отрезанными головами (кто бы что мне ни говорил, но и с художественной стороны это все было неоправданно и глупо!), я совершенно случайно заметила, что мой муж, проходя мимо одной милой девушки в черном платье и норковой, кофейного цвета, пушистой пелеринке, задержался на мгновение рядом с ней и, как ему казалось, незаметно поймал ее тонкую, маленькую руку, после отпустил, шепнул девушке что-то на ухо, и пара разошлась как ни в чем не бывало. Это было проявление близости, в этом я была уверена. Они были любовниками.

— Сережа, кто это? — спросила я, когда мы в уголке, среди знакомых, пили шампанское, заедая маленькими пирожными с кремом. — Кто эта девушка, которую ты разве что не поцеловал.

— О ком ты? — Он стал озираться по сторонам, словно не понимая, о ком идет речь. — Вон о той скелетообразной девице в мехах? Это же подруга дочки Паравиных.

— Я видела, как ты схватил ее за руку и что-то шепнул.

— Тебе показалось, Наташа. Я с ней даже не знаком!

Он так нагло лгал мне, что я почувствовала себя униженной предельно. Даже не дал себе труд придумать версию этого движения, поступка. И даже здесь, в этой ситуации, привязал эту девицу к семейству Паравиных, зная, что я никогда и ничего не стану проверять.

Не такой я человек вроде бы... в его глазах.

Мысленно я вынула из потайного кармана своего соболиного манти кинжал и вонзила по очереди сначала в эту девушку, потом в Сережу. Я и тогда не поняла, в каком случае получила больше удовольствия, в первом или во втором. Я ненавидела их тогда обоих, мое воображение живо нарисовало мне картинку: обнаженные молодые тела, переплетенные наподобие виноградных лоз...

Помнится, я тогда рано ушла, не осталась на банкет, который устраивали Паравины, опекавшие юное дарование. Возвращалась на машине одна, слушая Шаде, и плакала. Вышла из машины, подошла к своему подъезду, и тут же из темноты заснеженных деревьев вышел Юра. Он просто молча стоял и смотрел на меня.

— Ты чего здесь? — Мой голос разбух от слез. — Катю ищешь? Но она не со мной.

— Я к вам.

— Что-нибудь случилось?

— Ну да. Все время думаю о вас.

Я от неожиданности чуть не рухнула, ноги мои подкосились, и мне пришлось прислониться к стене дома.

— Ты чего это? — Волна нежности накатила на меня. — Юра?

— Не знаю. Просто думаю о вас и ничего не могу с собой поделать.

— И?

— Вы плачете. Я могу вам помочь?

Я улыбнулась, картинка со стоящим передо мной Юрочкой затуманилась, сменяясь на другую: рука Сережи ловит девичью руку, пожимает ее...

— Мы можем поехать ко мне и там спокойно обо всем поговорить.

— Юра, дорогой, но о чем я могу с тобой говорить?

— Я на машине. — Он кивнул на скромный «Форд», слегка припорошенный снегом, стоящий чуть поодаль от моего «Мерседеса». Судя по снегу, Юра дожидается меня несколько часов.

— Я тоже. — Я знаком предложила ему сесть в мою машину, села сама, завела мотор и поехала в полную неизвестность.

Никто еще не был со мной так нежен, как Юра. И только с ним я ощущала себя легкой, изящной и желанной.

Думаю, что он был единственным человеком, который меня по-настоящему любил. И любит до сих пор.

[Купить полную версию книги](#)